

Джон Уайчен

ФРАНЦУЗСКИЙ ДВОРЯНИН

НУ И ЧТО С ТОГО, ЧТО ГОЛЫЙ? ЗАТО - КОРОЛЬ!

Седьмая Книга

Стэнли Джон Уаймен
Французский дворянин

«Седьмая книга»

1893

Уаймен С.

Французский дворянин / С. Уаймен — «Седьмая книга», 1893

Король умер – да здравствует король! Генрих Наваррский ведет борьбу за французский престол и использует для этого твердую руку, верное сердце и острую шпагу простого французского дворянина. Франция, XVI век. Религиозные войны в разгаре. Тирания Гизов и кровавая Варфоломеевская ночь, Валуа и Бурбоны, в единый клубок переплелись амбиции власти и религиозный фанатизм, круто приправленные любовью и ненавистью.

© Уаймен С., 1893

© Седьмая книга, 1893

Содержание

Часть первая. В поисках красавицы	5
Глава 1. Проделки шутов	5
Глава 2. Король Наваррский	12
Глава 3. Собираясь в дорогу	19
Глава 4. Мадемуазель де ля Вир	25
Глава 5. Дорога в Блуа	33
Глава 6. Жилище моей матери	39
Глава 7. Симон Флейкс	44
Глава 8. Пустая комната	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джон Уаймен

Французский дворянин

Часть первая. В поисках красавицы

Глава 1. Прodelки шутов

Последовавшая весной 1588 года смерть принца Кондэ лишила меня моего единственного покровителя и тем поставила в крайне стесненное материальное положение. К середине зимы, когда король Наваррский приехал в Сен-Жан д'Анжели, чтобы провести там Рождество, счастье окончательно отвернулось от меня. Я положительно не знал тогда – теперь могу сознаться в этом без стыда – где раздобыть немного денег, чтобы купить себе хотя бы новые ножны, и не имел никаких видов быть принятым на службу. Мир, незадолго перед тем заключенный в Блуа между королем Франции и Лигой, грозил гугенотам полным поражением. Казна их была пуста, и они не могли выслать в поле свежих войск.

Смерть Кондэ поставила короля Наваррского в положение главного и наиболее известного вождя гугенотов; ниже его стояли виконт де Тюрен, отличавшийся непомерным честолюбием, и г. де Шатильон.

К несчастью, имя мое было одинаково неизвестно всем трем вождям. А в декабре месяце, среди увеличивавшейся нужды, мне стукнуло уже сорок лет – возраст, который я, вопреки общепринятому мнению, считаю поворотным в жизни мужчины. Всякий поверит, что я нуждался во всем мужестве, которое могут дать человеку религия и полная испытаний жизнь старого служака.

Незадолго перед тем я был вынужден продать всех своих лошадей, за исключением черного Сардинца с белым пятном на голове. Мне пришлось расстаться также с лакеем и конюхом, которых я отпустил в один и тот же день, заплатив им жалованье последними звеньями оставшейся еще у меня золотой цепи. Не без страха и огорчения увидел я себя лишенным этих необходимых принадлежностей дворянина, вынужденный собственноручно чистить свою лошадь под покровом ночи. Мало того, платье мое, неизбежно страдавшее от этих холопских обязанностей, вскоре стало ясно свидетельствовать о перемене, происшедшей в моих обстоятельствах. В день въезда короля Наваррского в Сен-Жан я уже не посмел присоединиться к толпе, всегда готовой посмеяться над несчастьем людей, стоящих выше ее: пришлось терпеливо остаться в своей каморке, на чердаке дома точильщика по Ножевой улице – в единственном доступном для меня в то время помещении.

Клянусь Богом, странно устроен свет! Удивительное это было время; еще более удивительным кажется оно мне, когда я сравниваю его с настоящим. Помню, что размышления мои в этот день носили мрачный характер. Как бы я ни смотрел на свое положение, я должен был сказать себе, что весна моей жизни прошла безвозвратно. Вокруг глаз уже собирались морщинки. В усах, которые, казалось, все надменнее выступали на моем лице, по мере того как оно вытягивалось, пробивалась уже седина. Я был плохо одет; карманы были пусты; меч проглядывал сквозь дырявые ножны. Меня вряд ли можно было бы отличить от любого из тех презренных оборванцев, с помятыми султанами и грязными галунами, которые толпой увивались вокруг виконта де Тюрена. Правда, я владел еще одной скалой и несколькими десятинами пустынной земли в Бретани, на северо-западе Франции, составлявшими последний остаток родовой собственности; но небольшая сумма, ежегодно выплачиваемая крестьянами, высылалась в Париж моей матери, не имевшей других доходов. Этих денег я поклялся не трогать, ибо решил хотя

бы умереть дворянином, если даже мне не удалось с честью носить это имя при жизни. Не имея ни друзей при дворе, ни кого бы то ни было, кто мог бы дать ход моему делу, не имея поэтому и никаких надежд на успех, я тем не менее сделал все, что от меня зависело, выбрав для этого единственный представлявшийся мне путь. Я составил прошение и, подкараулив однажды секретаря короля Наваррского, господина Форжэ, лично вручил его ему, прося передать государю. Он принял его и обещал исполнить мою просьбу, выказав мне ласковость и ту вежливость, которой я вправе был ожидать. Но небрежность, с которой он сложил и бросил в сторону бумагу, стоившую мне такого труда, а также плохо скрытая усмешка, игравшая на лице его лакея, бросившегося за мной в надежде получить обычную подачку, но напрасно (как я еще теперь со стыдом вспоминаю), ясно свидетельствовали о том, что я не имел никаких оснований предаваться розовым надеждам.

Однако весь следующий день я провел в лихорадочном ожидании, последовательно предаваясь то повышенным надеждам, то отчаянию; меня бросало то в жар, то в холод. Наконец, на третий день утром (помню, что до Рождества оставалось всего три дня), послышались шаги на лестнице. Я не мог сомневаться в том, что они направлялись ко мне: хозяин мой жил в своей лавке, а две другие комнаты стояли пустыми. Я вышел на лестницу. Первый же взгляд на посланца убедил меня в основательности моих надежд и в справедливости всего того, что мне приходилось слышать о великодушии короля Наваррского. Я узнал в юноше одного из королевских пажей: за день или за два перед тем этот нахал, идя следом за мной по улице, вздумал выкрикивать: «А ну, кому старого тряпья!» Я вовсе не думал припоминать ему теперь это обстоятельство; казалось, и он не вспоминал о нем. Вежливость, с которой он подал мне письмо, могла служить счастливым предзнаменованием благоприятного для меня содержания записки. Во избежание всякой ошибки, я счел, однако, нужным с подобающей случаю важностью спросить его, мне ли предназначено письмо. Сохраняя почтительную осанку, он отвечал, что оно было послано сьерру [так тогда обращались к сюзеренам] де Марсаку, то есть мне, если только это мое имя.

– Нужен ли ответ? – спросил я, заметив, что он почему-то медлил уйти.

– Король Наваррский, – отвечал он с низким поклоном, – рассчитывает получить ответ от вас лично.

Надев шляпу, которую он снял перед тем, из уважения ко мне, паж повернулся и стал спускаться по лестнице.

Вернувшись в свою комнату и заперев за собой дверь, я поспешно вскрыл письмо, запечатанное большой печатью и носившее все признаки важной бумаги. Содержание его превзошло все мои ожидания. Король Наваррский изъявил желание видеть меня у себя на другой день, в полдень. Письмо заканчивалось такими выражениями благорасположения и доброты, что у меня не осталось никаких сомнений относительно намерений короля. Сознаюсь, я был взволнован. Охватившие меня чувства радости и благодарности были так велики, что впору молодому человеку. Я весело принялся за починку своего платья и за этим занятием провел остаток дня. С благодарностью думал я о том, что мне, по крайней мере, удастся вырваться из когтей бедности, которая позорит дворянина. Думая о своей жалкой внешности, я утешался мыслью, что дня через два и в платье моем, и в положении наступит полная перемена.

На следующее утро, незадолго до полудня, я бодро вышел из дому и зашагал по направлению к дворцу. Я уже давно не показывался на улицах, имевших теперь необычайно оживленный вид по случаю приезда да короля Наваррского, и не мог не заметить, что многие зеваки посматривали на меня, посмеиваясь. Действительно, вид я имел сильно обтрепанный. Заметив, однако, что достаточно мне было нахмурить брови, чтобы положить конец веселости этих господ, я разглаживал усы и, гордо подняв голову, смело шел вперед. Навстречу мне показался тот самый паж, который накануне принес мне письмо. Он с почтением остановился передо мной и отвесил глубокий поклон. На лицах всех присутствующих нарисовалось изумление:

этот франт, похоже, был весельчаком, какого только могли желать фрейлины. Затем он попросил меня поторопиться, поскольку король уже ожидал меня в своем кабинете.

– Он уже дважды осведомлялся о вас, сударь, – заметил он с поклоном, при этом перья его шляпы почти коснулись земли.

– Король, – ответил я, ускоряя шаги, – назначил мне аудиенцию в полдень. Если бы я опаздывал, он действительно мог бы быть мною недовольным.

– Та, та! – отвечал он, фатовски помахивая рукой. – Всяко бывает! Ведь, знаете, иной стянет лошадь прежде, чем другой выглянет в окно.

Несмотря на седые волосы и угрюмый вид, человек может сохранять известную юношескую наивность. Услышав эти слова, указывавшие не совершенно неожиданное расположение ко мне короля, я почувствовал, как вся кровь прилила мне к лицу и сердце исполнилось чувством глубокой благодарности. Я не мог понять, кто взял на себя труд замолвить за меня словечко перед королем и тем оказал мне столь важную услугу, решив, однако, что до слуха короля, так или иначе, дошли известия о моем участии в деле под Бруажем на Атлантике, я вступил в ворота дворца с гордым и самоуверенным видом, вполне оправдываемым, как мне кажется, обстоятельствами. Затем, следуя за своим проводником, я вошел во двор.

Тут толпились конюхи и лакеи: один из них водил коней взад и вперед, другие перебрасывались шутками с высывавшимися из окон девицами; иные, стоя на месте, топали ногами, чтобы согреться, или же, подражая своим господам, играли в мяч. Такие бездельники всегда нахальнее своих господ; однако, они с почтением уступили мне дорогу. И я, поднимаясь по лестнице, с торжеством, хотя и не без оттенка насмешки, вспомнил известные слова комедии:

«Кого король удостоит чести»...

Достигнув верхней ступеньки лестницы и пройдя мимо часового, паж отворил дверь в переднюю и, посторонившись, попросил меня войти. Я вошел, дверь за мной захлопнулась.

В первую минуту я остановился в смущении. Мне показалось, что в комнате было до ста человек, и половина из них женщины. Хотя я и имел случай приглядеться к пышности при дворе принца Кондэ, тем не менее, эта переполненная передняя вызвала во мне чувство удивления и даже некоторого страха, которого я, впрочем, в следующую же минуту устыдился. Правда, шуршание шелка и блеск драгоценных камней превосходили все виденное мною до сих пор, ибо я никогда не имел счастья бывать при королевском дворе; но я вспомнил, что предки мои умели с достоинством держать себя при подобных обстоятельствах. И с поклоном, отвечавшим скорее этому соображению, чем скудности моего одеяния, я сделал несколько шагов вперед среди воцарившегося в компании молчания.

– Господин де Марсак! – возвестил паж.

Голос его прозвучал как-то странно, так что я вдруг обернулся, чтобы взглянуть на него. Но его уже не было, и тотчас же я заметил сдержанную улыбку на лицах присутствующих. Стоявшая рядом со мной молодая девушка хихикнула. Смущенный всем этим, и не зная, к кому обратиться, я в замешательстве оглянулся кругом. Я находился в узкой, длинной комнате, обшитой каштановым деревом, с рядом окон с одной стороны и двумя каминами, наполненными горевшими головнями, – с другой. Между каминами стояло оружие. Вокруг ближайшего огня расположилась группа пажей, как две капли воды похожих на того молодца, который провел меня во дворец; они спокойно разговаривали с несколькими молодыми дамами. Две большие собаки грелись перед огнем, а между ними, положив ноги на спину большой собаки, лежала такая странная фигура, что в другое время я не поверил бы своим глазам. На ней был одет пестрый шутовской кафтан и колпак с погремушками. Приглядевшись, я убедился, что это женщина. Густые черные волосы ниспадали ей на плечи; глаза ее на остром, тонком, исхудавшем лице блестели каким-то диким весельем и пронизывающе смотрели на меня. Позади нее, вокруг второго камина, стояла кучка человек в двадцать дам и молодых людей. Один из них подошел ко мне.

– Сударь! – начал он вежливо: от меня не ускользнуло изящество его поклона. – Вы желали видеть...

– Короля Наваррского, – отвечал я возможно вежливее.

Обращаясь к стоявшей позади него группе, он каким-то особенно смиренным голосом произнес:

– Господин желает видеть короля Наваррского.

Затем господин вновь отвесил мне поклон среди всеобщего торжественного молчания и отошел к своим товарищам.

В следующую же минуту, прежде чем я успел сообразить, как понять все происходившее, от той же группы отделился господин и, поклонившись мне, спросил:

– Господин де Марсак, если не ошибаюсь?

– К вашим услугам, сударь, – отвечал я. В моем стремлении ускользнуть от всех этих пристально устремленных на меня глаз и раздававшегося позади хихиканья, я сделал шаг вперед, готовый следовать за ним. Но он, казалось, не заметил моего движения.

– Господин де Марсак желает видеть короля Наваррского, – произнес он, обращаясь, как и первый, к стоявшей позади группе.

С этими словами он точно так же повернулся кругом и отошел к огню.

Я остолбенел: первое смутное подозрение зародилось в моем уме. Но прежде, чем я успел на что-нибудь решиться (в таком положении нелегко принять какое-нибудь решение), ко мне тем же размеренным шагом подошел третий.

– Вам, если не ошибаюсь, назначена аудиенция, сударь? – сказал он, кланяясь еще ниже других.

– Да! – отвечал я резко, начиная горячиться. – Аудиенция в полдень.

– Господин де Марсак, – провозгласил он певучим голосом, – явился на назначенную ему королем Наваррским аудиенцию в полдень.

Отвесив мне вторичный поклон, между тем как я густо покраснел от нанесенного мне оскорбления, он, в свою очередь, повернулся и также отошел к огню.

Я уже видел, как от группы отделился четвертый, но долго это продолжаться не могло. Представляло ли мое растерянное и гневное лицо уж слишком комичное зрелище для этих господ, или кто-нибудь из них не смог дожидаться развязки, но по всей комнате вдруг раздался взрыв неудержимого хохота, который положил конец этой комедии. Боже, как мне было горько! Я содрогнулся и стал озиаться кругом, в надежде хоть где-нибудь встретить сострадание и помощь. Но вся комната, казалось, звучала насмешками; даже со стен, когда я поворачивался, казалось, смотрели на меня жестокие насмешливые рожи. Кто-то позади меня крикнул: «Старье!» Когда я обернулся назад, спереди повторилось оскорбление. Замешательство мое еще увеличилось оттого, что враги действовали в известном порядке: никто не двигался и не возвышал голоса. И я еще более выделялся из всех, служа всеобщей мишенью.

Из всех лиц, скучившихся у дальнего камина, одно особенно резко запечатлелось в моей памяти в эту несчастную минуту: то было нежное личико юной девушки, смело стоявшей впереди своих товарищей. Лицо это было исполнено гордости и презрения: оно даже не улыбалось. А между тем вся изящная, тонкая, девичья, но соразмерно сложенная фигурка девушки, казалось, дышала общим всем желанием дерзко забавляться.

Эта безжалостная забава, продолжавшаяся, на мой взгляд, уже достаточно долго, вряд ли, однако, прекратилась бы, если бы я, при всем своем отчаянии, не заметил в отдаленном конце комнаты двери, которая, как я сейчас же сообразил, должна была вести в спальню короля. Испытываемое мною чувство негодования было так велико, что я, не колеблясь, смело направился к ней.

Смех вокруг меня мгновенно затих, и с полдюжины голосов крикнуло мне, чтобы я остановился.

– Я пришел с тем, чтобы видеть короля, и увижу его! – отвечал я гневно, не в состоянии более сохранять подобающее презрение.

– Он на охоте! – получил я единогласный ответ. И все руки повелительно указали мне на дверь, откуда я пришел.

Имея, однако, в кармане письмо короля, я считал себя вправе не верить им. Воспользовавшись их удивлением (они отнюдь не ожидали такого смелого шага с моей стороны), я подбежал к двери, прежде чем они успели помешать мне. Я слышал, как шутиха Матюрина, вскочив на ноги, крикнула:

– Черт возьми, он собрался силой войти в царствие небесное, силой!

То были последние слова, достигшие моего слуха. Когда я повернул ручку двери, которую никто не охранял, в комнате позади меня внезапно воцарилось молчание.

Отворив двери, я вошел в следующую комнату. Два господина, сидевшие у одного из окон, обернулись и сердито посмотрели на меня. В комнате никого больше не было. Сапоги короля лежали около его стула; тут же были крючок и машинка для снятия сапог. Собака, гревшаяся перед огнем, не спеша встала с места и зарычала. Один из господ, встав с ящика, на котором он сидел, подошел ко мне и с нескрываемым негодованием спросил, что мне было нужно, и кто мне позволил войти?

Я начал было объяснять ему, не без замешательства (меня отрезвила царившая в соседней комнате тишина), что хотел видеть короля; но он резко оборвал меня.

– Короля?! Короля! Его нет здесь, любезнейший! Он охотится в Сен-Валери. Разве вам этого не сказали там?

Между тем мне показалось, что я узнал говорившего. Мне никогда не приходилось видеть более серьезного, более вдумчивого для его лет человека (он был немногим моложе меня), более поражавшего своей наружностью, и более скромно одетого. Желая избежать вопроса, я спросил, не имею ли чести творить с господином де Плесси-Морнэ. Им действительно и оказался этот мудрый, вежливый государственный человек, в то время правая рука Генриха.

– Совершенно верно, сударь, – ответил он коротко, не сводя с меня глаз. – Я Морнэ. Но что же из этого?

– Де Марсак, – представился я, полагая, что имя мое объяснит поверенному короля причину моего появления при дворе. Однако я ошибся.

– Что же дальше, сударь? – нетерпеливо спросил он.

Этот холодный прием в связи с тем, что мне пришлось вынести в передней, мог бы окончательно смутить меня, если бы в кармане моем не лежало письмо короля. Вполне уверенный в том, что господину Морнэ достаточно будет взглянуть на это письмо, чтобы совершенно изменить свое отношение ко мне, я поспешил вытащить мой талисман и подал ему. Он взял письмо, посмотрел на него, затем открыл; но все это с таким холодным, бесстрастным видом, что сердце у меня упало пуще прежнего.

– Что там еще? – вскрикнул я, не в силах хранить молчание. – Ведь, это письмо короля, сударь?

– Да, короля в шутовском кафтане! – ответил он, поджав губы.

Смысл этих слов не сразу проник в мое сознание; в величайшем волнении я пробормотал, что король посылал за мной.

– Король ничего об этом не знает! – резко ответил он и сунул мне обратно бумагу. – Это – глупая шутка, которой вы, без сомнения, обязаны одному из этих молодых бездельников и шутов там, за дверью. Вы, вероятно, подали прошение королю? Ну да. Они его перехватили – и вот вам последствия. Их стоило бы выдрать за это.

Я не мог долее сомневаться в справедливости его слов. Все мои надежды были разбиты вмиг; все планы разлетелись, как дым. В первую минуту я был до того потрясен, что не мог произнести ни слова в ответ и не имел сил удалиться из комнаты.

Словно видение, предстало передо мной, как в зеркале, мое собственное исхудавшее растерянное лицо: в глазах его было написано отчаяние. Жалость к самому себе наполнила мое сердце. Волнение мое было так велико, что оно не ускользнуло от Морнэ. Внимательно посмотрев на меня, он два-три пробормотал мое имя и наконец, сказал:

– Как вы сказали? Марсак? А, припоминаю. Вы участвовали в деле под Бруажем, не правда ли?

Я кивнул головой в знак согласия, будучи не в силах выговорить ни слова. Дрожа всем телом, я невольно прислонился к стене, голова моя склонилась на грудь. Мой возраст, мои сорок лет, мое бедственное положение – все это нависло надо мной тяжким бременем, наполняя душу мою горечью и отчаянием. Я готов был плакать, но у меня не было слез. Отвернувшись от меня, Морнэ два-три раза нетерпеливо прошелся по комнате. Когда он снова обратился ко мне, в голосе его звучало уважение и то живое участие, которое должен чувствовать порядочный человек при виде горькой нужды ближнего.

– Господин де Марсак! – сказал он. – Я сочувствую вам. Я считаю позорным, что человек, служивший нашему делу, вынужден терпеть такую нужду. Имей я возможность расширить в настоящее время свой штат, я бы почел за честь иметь вас в числе своей свиты. Но я сам нахожусь в стесненном положении, как и все мы, и сам король Наваррский в том числе. Последний месяц он жил на деньги, вырученные от продажи леса, который срубил де Рони. Я напому ему ваше имя, но было бы жестоко с моей стороны, если бы я не предупредил вас, что из этого ничего не выйдет.

С этими словами он протянул мне руку. Ободренный этим знаком внимания, равно как и добротой его слов, я оживился. Правда, я нуждался в более существенной помощи, но что оставалось делать? Я поблагодарил его, как мог, и, распрощавшись с ним, грустно вышел из комнаты.

Увы! Мне предстояло еще раз встретиться лицом к лицу с моими врагами, и после таких ласковых слов! Мне предстояло пройти сквозь строй передней. Как только я появился на ее пороге или, вернее, как только захлопнулась за мной дверь, на меня посыпался град насмешек. Кто-то крикнул: «Дорогу! Дорогу вельможе, который видел короля!» Другой шумно приветствовал меня, как губернатора Гиени, третий просил места в моем полку.

Сердце мое готово было разорваться на части от этих насмешек. Меня возмущало то, что от бедности я должен был переносить все это от юнцов, не нюхавших пороху. Однако я ясно сознавал, что всякая остановка, всякий упрек с моей стороны могли только ухудшить дело; да и вряд ли я мог бы говорить в том состоянии уныния, которое мною овладело. Опустив голову, сгорая от стыда и унижения, я стал живо прокладывать себе дорогу через толпу. Таким путем я уже почти добрался до двери и готов был вздохнуть свободнее, как вдруг наткнулся на ту молодую придворную даму, о которой говорил выше. Внимание ее в эту минуту было занято чем-то другим: она не заметила моего приближения, прежде чем кто-то не указал ей на меня. Она обернулась, как захваченная врасплох, и, увидев, что я почти касался ее платья, быстро отступила назад и, с негодованием взглянув на меня, поспешно отдернула свои юбки.

Не знаю почему, это оскорбление задело меня больше, чем все насмешки, сыпавшиеся отовсюду. Движимый каким-то внезапным порывом горечи, я остановился и строго обратился к ней, отвечивая низкий поклон:

– Мадемуазель! – Я уже упомянул, что она была небольшого роста и скорее походила на фею, чем на женщину, хотя лицо ее выражало гордость и своенравие. – Мадемуазель! Каков бы я ни был, я проливал кровь за Францию. Когда-нибудь вы узнаете, что в жизни приходится переносить вещи похуже, чем присутствие бедного дворянина.

Не успел я произнести этих слов, как уже раскаялся: стоявшая рядом со мной шутиха Матюрина тут же подняла мои слова на смех. Подняв над нами руки, словно готовясь благосло-

вить нас, она заявила, что де Марсак, получив почетную должность, собрался жениться. Грубый смех и еще более грубые шутки были ответом на ее слова. Девушка покраснела до ушей.

Тут кто-то рявкнул: «Вот ему на свадьбу!». И в лицо мне полетела какая-то конфета. За нею последовали другая, третья: я весь был обсыпан мукой и сладостями. Терпение мое истощилось. Забыв, где я, задыхаясь от гнева, бросился я на своих мучителей, весь красный, яростный, с торчком вздыбившимися усами. Но тотчас же понял всю свою беспомощность, все безумие мести с моей стороны: опустив голову, я выбежал вон из комнаты. Мне показалось, что самые молоденькие из этих шутов бросились вслед за мной. Крик «Старье!» преследовал меня до самой двери моей комнаты на Ножевой улице. Но, униженный горем, движимый желанием поскорее добраться до дому и уединиться, я не обратил на это особого внимания; и даже не уверен, действительно ли оно было так.

Глава 2. Король Наваррский

Я уже упоминал об опасности, которой грозил нам союз Генриха III с Лигой. Говорили даже, будто при вести о нем у короля Наваррского в одну ночь поседел усы. Несмотря на это, двор никогда не казался таким веселым и беззаботным, как именно тогда: словно забыли на время и про войну, и про недостачу денег. В тиши, без сомнения, что-нибудь и подготовлялось: дальновиднейшие из врагов нашего принца особенно боялись его, когда он с неистовой страстью предавался наслаждениям. Но непосвященному глазу должно было казаться, что Сен-Жан д'Анжели весь утопает в удовольствиях и забавах. Царившие при дворе шум и суэта достигали даже моего чердака и обратили для меня это Рождество, приходившееся на воскресенье, в невыносимую пытку. Целый день до меня доносились стук копыт о мостовую и веселый смех и шутки наездников. Все это значительно увеличивало мое мрачное настроение: моя жесткая лавка казалась мне тверже обыкновенного, голые стены казались еще более голыми. Подобно тому, как при ярком солнечном свете резче обозначаются тени, и тишина никогда не кажется такой глубокой, как после взрыва мины, так и горе и бедность становятся особенно невыносимыми при виде счастья и богатства. Правда, меня, как и всех более или менее здравомыслящих людей, приободрила проповедь, которую держал священник д'Амур в первый день Рождества в Гостином дворе. Сидя в темном углу, я собственными ушами слышал знаменитое предсказание, которому суждено было так скоро сбыться.

– Сир! – сказал проповедник, обращаясь к королю Наваррскому и намекая на недавнюю попытку лишить принца прав на престол. – То, что дано вам Богом при рождении, не может быть отнято у вас людьми. Немного времени, немного терпения – и вы дадите нам возможность проповедовать и по ту сторону Луары! С вами, как с нашим Иисусом Навином, мы перейдем через Иордан и восстановим Церковь в Обетованной Земле.

Эти смелые слова, сказанные с целью приободрить нововерцев среди переживаемого перелома их дела, очаровали всех, за исключением, правда, немногих приверженцев виконта де Тюрена, которым было неприятно такое открытое признание короля Наваррского вождем гугенотов, хотя они и не могли ничего против этого возразить. Все так разнообразно и с таким воодушевлением выражали свое удовольствие, что даже я вернулся в свою комнату с повышенным, радостным настроением и, мечтая о предстоящей победе нашего дела, находил в этом известное утешение моим личным невзгодам.

День между тем склонился к вечеру, и наступившие сумерки не принесли мне никакой перемены. Сознаюсь без стыда: сердце мое вновь упало, особенно когда я вспомнил, что дня через два мне предстояло продать последнего конягу или одну из существенных частей моего вооружения. Решаясь на этот шаг, я не мог не чувствовать величайшего отчаяния. В таком настроении, при свете одинокой свечи, я пересчитывал последние деньжонки, как вдруг услышал поднимавшиеся по лестнице шаги. Я ясно различил шаги двух человек и терялся в догадках, кто бы это мог быть, когда в мою дверь тихонько постучали.

Опасаясь новой проделки, я не сразу отворил, тем более что в стуче мне послышалось что-то вкрадчивое и таинственное. Мои посетители стали шепотом совещаться между собой, затем постучали вторично. Я громко спросил: «Кто там?» Они не сочли нужным ответить, я, со своей стороны, решил не отворять, пока они не назовут себя по имени. Дверь у меня была крепкая, и я улыбнулся при мысли о том, что на этот раз старания воров пропадут даром. К моему удивлению, они не отказались от своего намерения, как я ожидал, а продолжали стучать и перешептываться между собой. Несколько раз они тихо позвали меня по имени и просили отворить, но упорно отказывались назвать себя. По временам до меня доносился их сдержанный смех. Еще более убеждаясь в том, что они замыслили какую-нибудь проделку, я готов был упорствовать до самой полуночи, до которой оставалось еще два часа, если бы моего вни-

мания не привлек к себе вдруг легкий шум, вроде царапанья крысы за обоями. Подняв свечу и заслонив глаза рукой, я заметил какой-то небольшой блестящий предмет, просунутый под дверь, и отскочил из опасения, что они готовятся бросить его в меня. Но, поднеся свечу ближе к порогу, я не нашел ничего страшного, кроме двух золотых ливров [62], просунутых в щель между дверью и полом.

Держа свечу в руке, я с минуту неподвижно смотрел на деньги. Сообразив затем, что молодые придворные франты вряд ли потратили бы такую сумму ради шутки, я долее не колебался. Я поставил свечу и отодвинул задвижку двери, намереваясь поговорить со своими посетителями на лестнице. Но едва я успел отворить дверь, как они силой вломились в комнату и знаками попросили меня вновь запереть дверь. Я повиновался, все еще с некоторым недоверием, не спуская глаз со своих посетителей. До чего же велико было мое удивление и смущение, когда они скинули свои плащи и я увидел перед собою Морнэ и хорошо мне знакомую фигуру короля Наваррского.

Они, казалось, были необычайно веселы и с усмешкой посматривали друг на друга: мне пришло в голову, что меня обманывало случайное сходство и что передо мной вновь стояли мои придворные шуты. Несколько секунд я неподвижно смотрел на них; наконец король первый заговорил:

– Мы не ошиблись, Морнэ, нет? – сказал он, взглянув на меня смеющимися глазами.

– Нет, сир. Это – сьер де Марсак, тот самый дворянин, о котором я говорил вам.

Смущенный, удивленный, извиняясь как мог, я поспешил выразить королю свое почтение. Он прервал меня и милостиво спросил:

– Из Марсака в Бретани, если не ошибаюсь, сударь?

– Он самый, сир.

– Вы, значит, принадлежите к роду де Бонов?

– Я последний отпрыск этого рода, сир, – почтительно ответил я.

– Члены этого рода исполнили свою задачу, – ответил он, садясь на стул с изяществом, которое очаровало меня. – Ваш девиз «С нами Бог!», не правда ли? А Марсак, если мне не изменяет память, лежит недалеко от Ренна, на Вилене?

Я ответил утвердительно и от полноты сердца прибавил, что мне очень тяжело принимать такого высокопоставленного принца в столь бедном помещении.

– Да, признаюсь, де Марсак, – вставил Морнэ, беззаботно оглядываясь кругом, – вы обнаруживаете довольно странный вкус в расстановке мебели. Вы...

– Морнэ! – резко оборвал его король.

– Сир!..

– Осторожно! Вы толкнули локтем свечу. Берегитесь!

Но я хорошо понял его. Сердце мое преисполнилось чувства благодарности. Бедность не так позорна сама по себе, как в силу тех уловок, к которым она заставляет прибегать людей. Так, я считаю бесспорным долгом всякого дворянина скрывать свою бедность от назойливых глаз, особенно от глаз черни, которая привыкла судить по внешности. Оттого-то, стараясь придать моей комнате наилучший вид, я был принужден, за несколько дней до того, переставить всю оставшуюся у меня мебель и оружие в тот угол, который виден был с лестницы при открытых дверях. Вследствие этого вторая половина ее оставалась совершенно пустой. Войдя в комнату, нельзя было не заметить этой уловки, и я должен сознаться, что слова Морнэ заставили меня покраснеть до ушей. Однако минуту спустя я уже радовался тому, что он произнес их: иначе я, быть может, никогда не узнал бы, или не узнал бы так скоро, всю доброту сердца и необыкновенную быстроту соображения, свойственную королю, моему господину. Так начал я его называть в душе с этой минуты.

Королю Наваррскому было в то время 35 лет. Волосы у него были черные, цвет лица румяный, в усах, по крайней мере, с одной стороны, уже пробивалась седина. От природы

суровые и повелительные черты лица смягчались неизменным выражением веселости и одушевления, которого мне не приходилось встречать ни у кого другого и которое у него становилось особенно заметным в трудные минуты. Приученный к опасностям с ранней молодости, он научился смотреть на них, как на праздник, и встречал их приближение с беспечной веселостью, которая удивляла даже храбрецов и создала ему славу крайне неблагодарного человека. Но он был совсем не такой. Ни один маршал Франции не готовился к бою более тщательно, хотя в пылу сражения он вел себя, как любой ротмистр; никогда сам Морнэ не присутствовал на совещаниях с более твердым знанием дела. Удивительное остроумие и любезность обращения, возвышая его в глазах подданных, в то же время вводили в заблуждение его противников. Считая весь этот блеск проявлением поверхностной натуры, они слишком поздно понимали, что были обмануты человеком, которого презрительно называли «беарнцем» и который был несравненно хитрее их самих и одинаково мастерски владел пером и мечом. Многое из всего этого, хорошо известного теперь всем и каждому, я узнал лишь позднее. В ту минуту я не мог думать ни о чем другом, кроме доброты короля. Я еще более проникся этим сознанием, когда он настоятельно потребовал, чтобы я сел на кровать, пока мы говорили.

– Господин де Марсак! – начал он. – Вы и не подозреваете, что привело меня сюда; вас удивляет, почему я пришел сам, а не послал за вами, да еще ночью и с такими предосторожностями. Объясню вам все. Но, прежде всего, я не хотел бы, чтобы мой приход возбудил в вас напрасные надежды. Скажу откровенно: я могу конечно облегчить вашу нужду – согласитесь ли вы на предлагаемый план или нет. Но я не могу принять вас к себе на службу: у меня и без того двойной штат служащих. Морнэ говорил мне о вас, но, желая быть справедливым и к другим, я должен был ответить ему, что ничего не могу для вас сделать.

Признаюсь, это странное вступление сразу разрушило все мои, воскресшие было надежды. Однако, овладев кое-как собой, я пробормотал, что честь, оказанная мне посещением короля Наваррского, уже достаточно осчастливила меня.

– Но мне приходится лишить вас даже этой чести, – ответил он, улыбаясь, – хотя вижу, что из вас вышел бы прекрасный царедворец, несравненно лучше Морнэ, например, которому никогда в жизни не удавалось произнести такую милую речь. Да, я должен потребовать от вас сохранить это посещение в тайне. Достаточно было бы малейшего слуха по этому поводу, чтобы раз навсегда лишить меня той пользы, которую вы можете принести мне.

Эти слова вызвали во мне удивление, которое мне с трудом удалось скрыть. Я не сразу нашел подходящие выражения, чтобы заверить короля, что приказания его будут в точности исполнены.

– В этом я уверен, – ответил он ласково. – Если б я не верил, кроме того, в то, что мне рассказывали о вашем мужестве после взятия Бруажа, где, говорят, вы показали себя скорее человеком дела, чем слова, я не явился бы сюда с моим предложением. Дело вот в чем: я не могу принять вас на государственную службу, де Марсак, но могу предложить вам опасное и неблагодарное приключение, если только у вас есть вкус к похождениям вообще, – похождение, которое было бы под стать любому рыцарю Амадису.

– Неблагодарное, сир! – пробормотал я, не веря своим ушам: настолько странным показалось мне это выражение.

– Да, неблагодарное, – отвечал он, и его острый взгляд, казалось, проникал мне в душу. – Как видите, я откровенен с вами, сударь, – продолжал он небрежно. – Я могу дать вам это поручение, касающееся выгод государства, но не могу сделать ничего большего. Король Наваррский не может гласно участвовать в нем: он не сможет и защитить вас. Удастся ли оно вам, нет ли, вы должны полагаться только на свои силы. Единственное обещание, которое я могу дать, заключается в том, что если я когда-нибудь узнаю, что задуманное предприятие доведено до благополучного конца, я вознагражу того, кто его совершит.

Он остановился, и я несколько минут неподвижно смотрел на него с нескрываемым удивлением. Что он хотел этим сказать? Были ли передо мной живые лица или то было не больше, как сновидение?

– Вы понимаете? – спросил он наконец с оттенком нетерпения.

– Да, сир, кажется, понимаю, – пробормотал я, вполне уверенный, что в действительности ничего не понял.

– Что же вы скажете: да или нет? – вновь спросил он. – Принимаете ли вы мое предложение или хотели бы узнать еще некоторые подробности, прежде чем решиться на что-нибудь!

Я колебался. Будь я десятью годами моложе, я немедленно согласился бы на королевское предложение, поскольку всегда готов был пускаться на любые предприятия, которые давали случай продвинуться при дворе. Но меня остановило что-то странное во вступлении короля, хотя в душе я готов был умереть за него. Я с величайшей покорностью ответил:

– Вы сочтете меня теперь плохим царедворцем, сир, хотя дурак тот, кто прыгает в ров, не измерив его глубины. Надеюсь не оскорбить вас, сказав, что хотел бы выслушать все, что вы можете сказать мне.

– В таком случае, мой друг, – ответил он быстро, – если вы желаете пролить больше света на это дело, вам придется взять другую свечу.

Он сказал так поспешно, что я вздрогнул; но, заметив, что свеча догорела до самого конца, я, извинившись, встал и подошел к шкафу, чтобы достать другую. В ту минуту мне не пришло на ум (это я сообразил уже потом), что король намеренно воспользовался этим обстоятельством, чтобы посоветоваться со своим другом. Вернувшись на свое место к кровати, я заметил только, что они сидели ближе друг к другу и что король, по-прежнему беспечно болтавший одной ногой в воздухе, однако, очень внимательно посмотрел на меня, прежде чем заговорил.

– Я говорю с вами, конечно, доверительно, сударь, считая вас как порядочным, так и честным человеком. То, что мне нужно от вас, не требует пространных объяснений: вы должны похитить одну даму. О, не бойтесь! – быстро прибавил он, рассмеявшись. – Эта дама – не избранница моего сердца. Да я бы и не пришел сюда, к моему степенному другу, если бы нуждался в помощи такого рода: с Божьей помощью, Генрих Бурбон всегда сумеет освободить собственную возлюбленную. Мое дело – государственное и совсем иного рода, хотя мы и не можем разъяснить вам в настоящую минуту все его значение.

Я молча поклонился, чувствуя некоторое смущение и уныние: надеюсь, всякий на моем месте тоже почесал бы себе затылок. Я думал иметь дело только с мужчинами, думал, что речь шла о каком-нибудь тайном нападении или о походе со взломом. Но, оглядев свою убогую комнату и приняв во внимание честь, которую оказывал мне король, я почувствовал, что у меня не остается выбора, и потому сказал:

– В таком случае, сир, я вполне к вашим услугам.

– Хорошо! – ответил он быстро, взглянув, как мне показалось, с упреком на Морнэ, словно сомневался в его рекомендации. – Но не заговорите ли вы иначе, – продолжал он, вновь переводя глаза на меня и медленно выговаривая каждое слово, словно испытывал меня, – когда узнаете, что дама, которую надо похитить, – воспитанница виконта Тюрена, который почти так же могуществен, как я, и стремится еще больше расширить свое могущество, – Тюрена, который, по собственным его словам, всегда путешествует в сопровождении не менее 50 дворян и содержит на жаловании 1 000 стрелков? По вкусу ли вам это похождение, де Марсак, теперь, когда вы знаете все?

– Тем более оно мне по вкусу, сир, – твердо ответил я.

– Поймите еще вот что: необходимо освободить эту даму, заключенную в настоящее время в доме виконта, в Шизэ, но необходимо также, чтобы между мной и виконтом не произошло никакой размолвки. Стало быть, дело должно быть выполнено независимым челове-

ком, никогда не состоявшим у меня на службе, никогда не имевшим со мной никаких связей. Если попадетесь, вы понесете наказание, не прибегая к моей защите.

– Вполне понимаю, сир.

– Черт возьми! – воскликнул он, тихо рассмеявшись. – Клянусь, этот человек больше боится дамы, чем самого виконта! Это не похоже на большинство наших придворных.

Морнэ, молча поглаживавший свои колени, поджал губы, хотя не трудно было заметить, что он остался доволен похвалой короля. Теперь он вмешался в разговор:

– С вашего позволения, сир, я изложу теперь этому дворянину все подробности.

– Хорошо, друг мой! Постарайтесь только быть кратким: если мы замешкаемся здесь, мое отсутствие будет замечено – и двор не замедлит отыскать мне новую метрессу.

Он говорил в шутку, посмеиваясь, но я видел, как Морнэ при последних его словах вздрогнул, словно они не пришлись ему по вкусу: позже я узнал, что двор тогда был сильно занят вопросом о том, кто займет место королевской фаворитки, так как страсть короля к графине де ля Гиш очевидно уже угасала, а его новое увлечение госпожой де Гершвиль служило еще предметом догадок. Морнэ ничего не возразил, однако, на слова короля и стал давать мне наставления.

– Шизэ, известный вам только по имени, лежит в шести лигах отсюда. Мадемуазель де ля Вир содержится на первом этаже, в комнате, выходящей в парк на северо-запад. Больше я ничего не могу сказать вам, разве только то, что служанку ее зовут Фаншеттой, и на нее можно положиться. Дом хорошо охраняется, и вам понадобится 4–5 человек. Вам не трудно будет подкупить нескольких головорезов, смотрите только, выбирайте таких, с которыми вы сумеете справиться и которые не нанесут никакого вреда барышне. Подготовьте заранее лошадей и, освободив даму, поезжайте с ней немедленно на север, настолько быстро, насколько позволят ее силы. Вам нечего щадить ее, если Тюрен пустится в погоню. Вы пересечете Луару через 60 часов после того, как покинете Шизэ.

– Пересечь Луару? – воскликнул я, удивленный.

– Да, сударь, именно так, – ответил он с оттенком суровости. – Поймите, ваша задача – с величайшей поспешностью перевезти мадемуазель Вир в Блуа. Стараясь не навлекать на себя внимания, вы спросите там, в гостинице «Кровавое Сердце» на улице Сен-Дени, барона Рони. Он позаботится о барышне или же укажет вам, как поступить с ней; и ваша задача будет выполнена. Вы слушаете меня?

– С величайшим вниманием, – ответил я, в свою очередь, несколько сухо. – Но мадемуазель, как я понял, довольно молода. Захочет ли она последовать за мной, совершенно чужим ей человеком, если я войду в ее комнату ночью и через окно?

– Об этом мы подумали.

Морнэ обратился к королю Наваррскому, который с минуту пошарил в своих карманах и вынул какой-то небольшой предмет. Он подал его своему товарищу, а тот передал мне. То была половинка золотого каролюса [*серебряная монетка*], отломанный край монеты был шероховат и весь в зазубринах.

– Покажите это барышне, друг мой, – продолжал Морнэ. – И она последует за вами. Другая половинка этой монеты у нее.

– Но смотрите, – живо прибавил Генрих, – не упоминайте о короле Наваррском даже ей. Заметьте это себе, де Марсак! Если вам вообще придется говорить обо мне, вы будете иметь честь называть меня своим другом, и всегда будете говорить обо мне в этом тоне.

Он сказал все это так любезно, что совершенно очаровал меня. Мое удовольствие ничуть не ослабло, когда его товарищ извлек мешок, содержащий, по его словам, триста золотых крон, и, передав его мне, просил пользоваться им для покрытия путевых расходов.

– Старайтесь, однако, не показывать больших денег, – прибавил он серьезно. – Не возбуждать бы подозрения, что похищение задумано каким-нибудь посторонним лицом. Старайтесь

больше обещать, чем давать, а давая необходимое, старайтесь делать вид, будто каждый ливр – последний в вашем кармане.

Генрих кивнул головой в знак согласия.

– Прекрасный совет! – пробормотал он, вставая и накидывая плащ. – Один из тех советов, которые вы мне часто даете, Морнэ, но которыми я, к сожалению, редко пользуюсь.

Тут он взял со стола мой меч и взвесил его в руке.

– Славное оружие! – сказал он, внезапно оборачиваясь и пристально глядя мне в лицо. – Да, славное оружие! Будь я на вашем месте, де Марсак, я позаботился бы о том, чтобы оно не залеживалось в ножнах. Да, а главное, пользуйтесь им! – прибавил он, понижая голос и выставив вперед подбородок, между тем как его серые глаза, все пристальнее смотревшие на меня, казалось, стали холодными и твердыми, как сталь. – Пользуйтесь им до последней крайности... Ведь если, Боже сохрани, вы попадетесь в руки Тюрену, я ничего не смогу для вас сделать!

– Если я попадусь, сир, – ответил я, дрожа, но не от страха, – ответственность да падет на мою голову!

При этих словах в глазах короля появилось мягкое выражение: лицо его так изменилось, что я с трудом мог узнать в нем того же человека. Он с грохотом уронил оружие на стол.

– Черт возьми! – воскликнул он, и в голосе его прозвучало какое-то странное сожаление. – Клянусь Богом, хотел бы я быть в вашей шкуре, сударь! Наносить удары, не заботясь о том, что из этого выйдет; пуститься в дорогу на хорошем коне, с хорошим мечом, навстречу удаче и счастью; избавиться от всей этой политики, от всяких бумаг и никогда более не издавать указов; сознавать себя только французским дворянином, который всего может добиться, которому нечего терять, кроме любви дамы его сердца!.. Ах, Морнэ, разве не приятно было бы покинуть всю эту суету, все волнения и уехать в зеленые леса Коарразы?..

– Конечно, если вы предпочитаете их Лувру, сир, – сухо ответил Морнэ, между тем как я с удивлением смотрел на этого странного человека, так быстро переходившего из серьезного настроения в веселое, говорившего то так разумно, то словно необузданный юноша семнадцати лет. – Конечно, если таков ваш выбор, сир; и если вы думаете, что герцог де Гиз оставит вас там в покое. Тюрен, я уверен, был бы рад вашему решению. Он, конечно, был бы избран Покровителем Церквей. Стыдитесь, сир! – строго продолжал Морнэ. – Неужели вы предоставите милой Франции самой выпутываться из ее нынешнего положения? Неужели вы лишите ее единственного человека, который любит ее ради нее самой?

– Хорошо, хорошо! Но она такая непостоянная возлюбленная, друг мой, – смеясь, возразил король и искоса взглянул на меня. – Никогда мне не приходилось с таким трудом добиваться ласки! Да, кроме того, разве мы с ней не разведены уже папой!

– Папой?! Я ему покажу фигу, этому папе! – гневно и нетерпеливо возразил Морнэ. – Что ему за дело до Франции? Нахал, который суется не в свое дело, да еще итальянец в придачу! Чтоб ему и всему его племени провалиться в бездну морскую! А пока хотелось бы послать ему для размышления один текст...

– Например? – спросил король.

– Что соединил Бог, того не может разъединить человек.

– Аминь! – тихо закончил Генрих. – А Франция – прекрасная и достойная невеста.

Он замолчал и впал, как мне показалось, в такое мрачное настроение, что ушел, даже не попрощавшись со мной и вряд ли замечая мое присутствие. Морнэ обменялся со мной несколькими словами, чтобы убедиться, что я понял все, как нужно. Простившись со мной в любезных выражениях, которые я не преминул запомнить на будущее время, он поспешил вниз по лестнице, вслед за своим господином.

Не трудно представить себе мою радость, когда я остался один. Я не был в безумном восторге: мною овладела скорее тихая, разумная радость. Правда, пульс мой бился ускоренно, и я снова смело и уверенно взглянул в глаза будущему, но воображению моему не рисовались

ни дворцы трубадуров, ни другие ослепительные картины. Чем дольше думал я о свидании с королем, тем яснее вставала передо мной правда. По мере того как слабли чары, которыми окутало меня присутствие Генриха и его необыкновенная доброта, я все яснее понимал, почему он пришел именно ко мне. Это не была с его стороны особая милость к человеку, которого он знал только по рассказам или даже только по имени: он нуждался в человеке бедном и потому отважном, средних лет и потому осторожном, – в человеке неизвестном, который поэтому мог служить верным орудием, наконец, в дворянине, так как в дело были замешаны женщина и тайна. И все-таки я был поражен. Переводя взгляд с мешка с деньгами на сломанную монету, я не знал, чему удивляться больше: доверию ли, которое выказал король к разбитому, обедневшему человеку, или мужеству той женщины, которая должна была последовать за мной, доверившись этой монетке.

Глава 3. Собираясь в дорогу

Далеко за полночь я обдумывал все трудности вверенной мне задачи. Я видел, что она распадалась на две части – освобождение дамы и затем благополучное препровождение ее в город Блуа, расположенный в 60 лигах от Шизэ. Что касается освобождения, то я считал вероятным, что сумею выполнить его один или с одним только помощником; но при том тревожном состоянии, в котором находилась тогда вся страна и особенно берега Луары, я не видел возможности обезопасить мою даму, не имея с собой по крайней мере пяти вооруженных людей. Собрать их в несколько часов было нелегким делом, хотя присутствие наваррского двора и наполнило Сен-Жан целой толпой искателей приключений. Однако приказ короля не терпел отлагательства: его следовало исполнить, невзирая ни на какие жертвы, ни на какие опасности. Побуждаемый этими соображениями, я не мог для начала подумать о более подходящем человеке, чем Френуа.

У него был скверный нрав, и он давно потерял всякие притязания на приличие, которых, думаю, у него никогда и не было по отношению к женщинам. Но та самая причина, которая повергла меня в нищету (я говорю о смерти Кондэ), лишила последних крох и его. Это же обстоятельство, вероятно, и вызвало во мне желание помочь ему, и я живо вспомнил все его достоинства. Я всегда знал его за человека бесшабашного, отважного, владевшего искусством наносить хорошие удары. На него можно было положиться, пока обязанности совпадали с его выгодами.

Как только рассвело, я накормил и вычистил Сиду – занятие, с которого всегда начинался мой день, – и отправился на поиски Френуа. Мне посчастливилось найти его за утренним шкаликом в «Трех Голубях» – трактирчике недалеко от северной заставы. Мы не виделись больше двух недель, и за это время в нем произошла такая заметная перемена к худшему, что, забыв о скудности собственного одеяния, я косо взглянул на него, словно сомневаясь в том, благоразумно ли будет нанимать человека, имевшего на себе такие явные следы нищеты и разгульной жизни. Его большое лицо (он был из крупных), опухшее и бескровное, носило следы недавних побоев: один глаз был почти закрыт. Он был небрит; волосы его были плохо причесаны, ворот куртки, разорванной и покрытой пятнами, был расстегнут. Несмотря на холод, с полдюжины гуртовщиков пили и бранились перед трактиром, между тем как их скот утолял жажду у водопоя. Вдруг все эти люди, словно по соглашению, отошли от Френуа, предоставив в его распоряжение скамейку, на которой он сидел. Я не удивился этому, когда заметил мрачный, дикий взгляд, который он бросил на меня при моем приближении. Мне было неясно, прочел ли он на моем лице то впечатление, которое произвел на меня его вид, или же гнушался моим обществом по какой-либо другой причине. Не смущаясь, однако, его поведением, я сел рядом с ним и спросил себе вина. Он угрюмо кивнул головой, в ответ на мое приветствие, и бросил на меня исподлобья не то пристыженный, не то сердитый взгляд.

– Вам нечего смотреть на меня, как на собаку, – пробормотал он наконец. – Вы и сами-то не очень щеголевато одеты, друг мой. Но вы, должно быть, возгордились с тех пор, как получили аудиенцию при дворе!

Он громко рассмеялся. Сознаюсь, у меня родилось искушение броситься на него и заткнуть ему глотку. Я, однако, сдержался, хотя щеки у меня горели.

– Вы, значит, слышали об этом? – сказал я, стараясь говорить равнодушно.

– Кто же этого не слышал? – ответил он, смеясь одними губами, между тем как глаза его светились далеко не весельем. – Аудиенция съера де Марсака! Ха! Ха! Почему же, любезный...

– Довольно об этом! – воскликнул я; могу сказать, я едва усидел на своем месте. – Что касается меня, то я считаю эту шутку избитой, сударь, и она меня ничуть не забавляет.

– Но она забавляет меня, – возразил он, оскалив зубы.

– Бросьте ее, тем не менее, – сказал я, и мне показалось, что он заметил угрозу в моих глазах. – Я пришел поговорить с вами по другому делу.

Он не отказался выслушать меня, но, закинув ногу на ногу и уставившись глазами в вывеску трактира, принялся насвистывать с наглым и оскорбительным видом. Памятуя о своей цели, я опять сдержал себя и продолжал:

– Дело вот в чем, мой друг. Ни вы, ни я не имеем теперь лишних денег...

Прежде чем я успел добавить еще что-нибудь, он резко повернулся ко мне и с громким проклятьем придвинул свое опухшее разгоряченное лицо вплотную к моему.

– Слушайте, де Марсак! – неистово крикнул он. – Раз и навсегда! Из этого ничего не выйдет!.. Я еще не получил денег и не могу вам заплатить. Когда вы мне одолжили их, две недели тому назад, я обещал вернуть их вам на этой неделе. Да, – продолжал он, ударив рукой по скамье, – я не достал денег, мне ничего не удастся. Вы не получите их: это ясно!

– Черт с ними, с деньгами! – крикнул я.

– Что? – воскликнул он, едва веря своим ушам.

– Оставьте деньги! – гордо ответил я. – Слышите? Я пришел не за ними. Я пришел сюда, чтобы предложить вам дело, благородное и хорошо оплачиваемое, если только вы согласны действовать со мной заодно и готовы честно относиться ко мне, Френуа.

– Честно относиться! – крикнул он с ругательством.

– Да, да, – сказал я. – Я готов забыть прошлое, если и вы сделаете то же. Дело в том, что я решил на одно предприятие и, нуждаясь в помощи, готов заплатить вам за нее.

Он хитро взглянул на меня: глаза его, казалось, пересчитывали все дырки и штопки на моей куртке.

– Я готов помочь вам хоть сейчас, – сказал он, наконец. – Но я хотел бы раньше видеть деньги.

– Вы их увидите.

– В таком случае по рукам, друг мой! Рассчитывайте на меня по гроб жизни! – воскликнул он, вставая и пожимая мне руку с шумной откровенностью, которая, однако, не обманула меня и не заставила относиться к нему с большим доверием. – А теперь скажите, что это за дело и кто его заводчик?

– Дело мое, – холодно ответил я. – Нам предстоит похитить одну даму.

Френуа свистнул и вновь взглянул на меня с нахальным выражением в глазах.

– Даму! – воскликнул он. – Гм! Мне было бы понятно, если бы на такое дело пустился какой-нибудь молоденький франт, но вы!.. Кто же она?

– Это тоже мое дело, – равнодушно ответил я, возмущенный продажностью и низостью этого человека и вполне убеждаясь, что ему не следовало слишком доверяться. – От вас, господин Френуа, я требую только, чтобы вы на 10 дней отдали себя в мое распоряжение и исполняли мои приказания. Я доставлю вам лошадь и буду платить вам по две золотых кроны в день, ввиду того, что предприятие наше опасное; и прибавлю еще десять крон, если нам удастся добраться до безопасного места.

– Ага, до такого места, как...

– Этого не бойтесь. Вопрос в том, согласны ли вы?

Он недовольно опустил глаза: я видел, что он был крайне раздосадован моим решением хранить дело в тайне.

– Я не узнаю ничего больше? – спросил он, роя землю концом своих ножен.

– Ни словечка, – твердо ответил я. – Я решил на это отчаянное предприятие, чтобы поправить свои дела, прежде чем они упадут так низко, как ваши. Вот и все, что я намерен поведать какой бы то ни было живой душе. Если вы не расположены рисковать жизнью с закрытыми глазами, скажите мне: я обращусь к кому-нибудь другому.

Я хорошо знал, что его положение не позволит ему отказаться от такого предложения: и действительно, он принял его, стараясь даже казаться довольным. Я сказал ему, что нам нужно раздобыть четырех всадников: он вызвался найти их, сказав, что как раз знает подходящих людей. Я просил его, однако, нанять только двоих, не желая вполне отдаваться в его руки; дав ему затем денег на покупку лошади (я поставил условие, чтобы люди, которых он наймет, привели собственных коней) и, назначив ему свидание в час пополудни, я распрощался с ним и в сумрачном настроении отправился домой. Я начинал понимать, что король совсем не преувеличил опасностей предприятия, на которое могли решиться только отчаянные и низко опустившиеся люди. Это соображение ясно указывало на то, что собственных сообщников мне придется опасаться не меньше, чем врага.

Но возвращаться назад было поздно, и я продолжал свои приготовления, если и не с особенной радостью, то, по крайней мере, неуклонно идя к цели. Точильщик, над которым я жил, отточил мой меч и привел в порядок пистолеты, оказав мне эту услугу с той дружеской готовностью, которая всегда проглядывала в его отношениях ко мне. Я нанял двух здоровых парней, честности которых не особенно верил, но они обладали тем преимуществом, что имели собственных лошадей. Я купил еще двух выючных лошадей для мадемуазель и ее служанки. Я приобрел остальные необходимые принадлежности, уменьшив запас своих денег до 210 крон. Меня сильно беспокоил вопрос: как распорядиться этой суммой, чтобы сохранить, ее в безопасности и в то же время иметь возможность пользоваться ею? Наконец, я обратился к своему другу, точильщику, который посоветовал спрятать одну сотню в шляпу и сейчас же нашел в ней подходящее для этой цели место. Поскольку шляпа была подбита сталью под кольчугой, это не трудно было сделать. Другую сотню я зашил в седло, а остальные деньги положил в карман для текущих расходов.

Мелкий дождь накрапывал на дворе, когда я в сопровождении двух своих людей вскоре после, полудня пустился в путь по направлению к северной заставе. На улицах было столько движения, что мы проехали незамеченными: вряд ли кто-нибудь обратил бы на нас внимание, если бы даже нас было шесть человек, а не трое. Достигнув места свидания, на расстоянии мили за заставой, мы застали Френуа уже там, укрывшимся под большим остролистом с подветренной стороны. С ним было четыре всадника. Увидев нас, он тронулся нам навстречу и радушно крикнул:

– Добро пожаловать, господин капитан!

– Да, добрый день! – ответил я и придержал Сида на некотором расстоянии от него. – А это что за люди, господин Френуа? – и я указал своим хлыстом на его четырех провожатых.

Он попытался обратить дело в шутку.

– Ах, они? – сказал он. – Это не трудно объяснить. Евангелистов нельзя разлучать: поэтому я привел их всех – Матфея, Марка, Луку и Иоанна, думая, что вы пожелаете взять их для большей безопасности. Я, со своей стороны, ручаюсь за них, как за четырех храбрейших молодцов, с которыми вам когда-либо приходилось иметь дело.

Насколько я понял, это были четыре отъявленных мерзавца, каких мне редко приходилось встречать: я понял, что тут не было места колебаниям.

– Двое или ни одного, господин Френуа, – сказал я твердо. – Я поручил нанять двоих, двоих я и возьму, Матфея и Марка или Луку и Иоанна, как вы пожелаете.

– Жаль расстраивать компанию, – заметил он, нахмурившись.

– Если так, то одного из моих людей зовут Иоанном, а другого мы окрестим Лукой: вот дело и поправится.

– Принц Кондэ, – мрачно пробормотал он, – пользовался услугами этих людей.

– Принц Кондэ пользовался иногда странными людьми, господин Френуа, как иной раз приходится каждому, – ответил я, глядя ему прямо в глаза. – Оставьте же, пожалуйста! Мы возьмем Матфея и Марка. А остальных будьте добры отослать обратно.

Он с минуту как будто колебался, словно собираясь послушаться меня, но затем передумал и приказал людям вернуться обратно. Когда я дал каждому из них по серебряной монете, они, несколько раз выругавшись, действительно удалились в сравнительно сносном расположении духа. Френуа хотел сейчас же отправляться в дорогу. Но я не желал, чтобы за нами следили, и приказал подождать, пока те двое не скрылись из виду.

Мы поставили лошадей под дождь: всем не укрыться было под остролистом. Вряд ли когда для похищения дамы снаряжалась такая жалкая компания! Не без огорчения оглянулся я кругом, видя себя вынужденным командовать такими людьми. У нас не было ни одного нештопаного платья, а у троих из моих оруженосцев было только по одной шпоре. Как бы в награду за эти недостатки мы насчитывали два подбитых глаза, включая сюда и Френуа, и один разбитый нос. Лошадь Матфея была лишена хвоста, а обладатель ее, как я теперь только заметил, был совершенно глух. Меч Марка болтался без ножен, а уздечку ему заменяла бечевка. Одно только я заметил с удовольствием. Приведенные мной люди косо поглядывали на тех, которых доставил Френуа; а эти платили им тем же. На это несогласие и на свой меч я возложил все мои надежды. Однако я должен был скрывать свои опасения и подозрения под беззаботным видом. Я обратился с короткой речью к своей страже, которая в один голос поклялась помогать мне до самой смерти. Я отдал приказ двинуться в путь: Френуа и я открывали шествие; за нами следовали Лука и Иоанн с выючными лошадьми; остальные двое составляли прикрытие. Дождь продолжал накрапывать. Местность, которой мы проезжали, даже в хорошую погоду имела мрачный, однообразный вид: я чувствовал, что все сильнее падаю духом по мере того, как день клонился к вечеру. Ответственность, которую я брал на себя, становилась в моих глазах тем серьезнее, чем ближе я присматривался к своей свите. Френуа между тем приставал ко мне со всевозможными расспросами относительно моих планов: злейший враг не мог бы пожелать мне более неприятного товарища.

– Слушайте! – проворчал он, когда мы проехали около четырех лиг. – Вы, однако, не сказали мне, где мы остановимся на ночь, сьер. Вы едете так медленно, что...

– Я берегу лошадей, – коротко ответил я. – Завтра нам не придется отдыхать.

– Ваша лошадь в таком виде, что, пожалуй, выдержит хоть целую неделю, – насмешливо заметил он, бросая злобный взгляд на моего Сардинца, который действительно находился в лучшем состоянии, чем его господин. – У нее, во всяком случае, достаточно лоснится шерсть.

– Она вполне отвечает своему внешнему виду, – сказал я, слегка задетый его тоном.

– Тут есть лошади получше, – возразил он.

– Я их не вижу, – ответил я.

Я уже успел осмотреть всех лошадей и убедился, что, при всех своих недостатках и некрасивой внешности, они, однако, вполне могли справиться с предстоящей задачей. Но я не заметил среди них никаких особенных достоинств. Вновь осмотрев их, я пришел к тому же выводу: за исключением выючных лошадей, которых я выбрал довольно тщательно, никто не мог соперничать с Сидом ни по скорости хода, ни по внешнему виду. Я высказал это Френуа.

– Не хотите ли испробовать? – насмешливо осведомился он.

– Если вы думаете, что я стану утомлять лошадей, устраивая скачки, вы ошибаетесь, Френуа. Вы знаете, я не мальчик.

– Нет никакой надобности устраивать скачки, – ответил он более спокойно. – Ведь достаточно будет сесть на эту бесхвостую гнедую лошадь Матфея, чтобы испробовать ее ход: и вы скажете, что я прав.

Я взглянул на Гнедка, с его заостренной, лишенной волос мордой, и убедился, что лошадь, хотя и не была породистой, обладала, однако, широкими костями, хорошей спиной и мощными бедрами. Мне показалось, что Френуа мог быть действительно прав; а если у Гнедка еще и сносный нрав, то он мог оказаться более подходящей для женщин лошадью, чем те, которых выбрал я. Если у нас был конь с быстрым ходом, то важно было, во всяком случае,

установить это: попросив поэтому Матфея поменяться со мной и позаботиться о Сиде, я сел на Гнедка и вскоре убедился, что ход у него был легкий и обещал быть быстрым, между тем как нрав у него был такой спокойный, что мог удовлетворить самого робкого седока. Мы проезжали в это время по плоской пустынной степи, усеянной там и сям кустами терновника: неровная каменистая дорога имела более 20 ярдов в ширину, и путешественникам приходилось все время переезжать с одной стороны на другую, чтобы обходить наиболее неудобные места. Меня лошадей, Френуа и я несколько отстали от остальных и ехали теперь рядом с Матфеем.

– Ну, – сказал он, – не был я прав?

– Отчасти да, – ответил я. – Лошадь лучше, чем кажется с виду.

– Как и многие другие, – прибавил он с оттенком обиды в голосе. – И не только лошади, но и люди, господин де Марсак. Ну, что вы скажете? Не пуститься ли нам в галоп, чтобы догнать остальных?

Считая это благоразумным, я, не колеблясь, согласился: мы двинулись вперед. Но не успели мы проехать и ста ярдов и я только что пустил Гнедка полным ходом, как Френуа, слегка дернув повод, повернулся в седле и посмотрел назад.

– Ого! Что это? Уж не эти ли молодцы скачут за нами? – крикнул он тотчас же.

Я быстро обернулся, чтобы посмотреть назад. В ту минуту Гнедок, не оступившись и без всякой видимой, причины, упал подо мной, словно подстреленный насмерть, перебросив меня через голову на несколько ярдов. Все это произошло так внезапно, что я не успел подставить рук и тяжело упал на голову и плечи, потеряв сознание. Не раз приходилось мне падать, но никогда столь неожиданно. Когда я пришел в себя, то увидел, что сижу, прислонившись к стволу старого терновника. Голова у меня кружилась; я чувствовал себя дурно. Френуа и Матфей поддерживали меня с обеих сторон. Трое остальных держались в нескольких шагах от меня, верхом на своих лошадях; их фигуры резко выделялись на покрытом облаками вечернем небе. Я был так ослеплен в первую минуту, что не заметил ничего больше, и то лишь бессознательно. Но мало-помалу голова моя начала проясняться. Удивление, вызванное у меня присутствием незнакомцев, сменилось полным пониманием: я вспомнил все, что случилось.

– Лошадь ушиблась? – пробормотал я, как только в состоянии был выговорить слово.

– Ничуть, – ответил Френуа, усмехнувшись, как мне показалось. – Боюсь, что вам досталось больше, капитан.

Говоря это, он обменялся взглядами со всадниками: мне показалось, что те улыбнулись. Один из них даже засмеялся, а другой повернулся в седле, чтобы скрыть свое лицо. Я смутно сознавал, что тут разыгрывалась какая-то шутка, в которую я не был посвящен. Но я был еще так потрясен, что не мог чувствовать особенного любопытства, и с благодарностью принял предложение одного из провожатых, который вызвался принести мне воды. Пока он отсутствовал, остальные стояли вокруг меня с тем же выражением плохо скрытой насмешки в лицах. Только один Френуа пространно обсуждал происшедшее, сыпал выражениями сочувствия и проклинал дорогу, лошадь, зимний блеск, пока не подоспела вода. Подкрепленный несколькими глотками, я кое-как вскарабкался на Сиду и медленно двинулся вперед вместе со всеми.

– Плохое начало, – сказал Френуа, украдкой бросая на меня лукавый взгляд, в то время как мы ехали с ним бок о бок.

До Шизэ оставалось всего полмили, и над нами уже спустились сумерки. Я между тем успел окончательно прийти в себя: только в голове оставался еще глухой шум. Пожав плечами, я согласился с ним.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – прибавил я. – Я не хочу этим сказать, что падение было из приятных, или что я желал бы упасть так еще раз.

– Надеюсь! – ответил он.

Френуа отвернулся от меня; мне показалось, что он едва сдерживал смех. Какое-то смутное подозрение побудило меня, минуту спустя, сунуть руку в карман. Тут я понял все. Удивление, вызванное во мне этим открытием, было так велико, что невольно дал шпоры Сиду. Лошадь рванулась вперед.

– В чем дело? – спросил Френуа.

– Дело? – повторил я, все еще держа руку за поясом и безнадежно ощупывая карманы.

– Да, что случилось? – спросил он, с наглой улыбкой на своем бесстыжем лице.

Я взглянул на него; лицо мое горело, как в огне.

– О, ничего, ничего! – сказал я. – Поедемте скорее.

В действительности же я обнаружил, что, пока я лежал без чувств, негодяи похитили все мои золотые кроны. Мало того. Я сразу понял, что, они достигли несравненно более страшных и зловещих для меня результатов: они установили между собой то тайное сообщество, которое я стремился предотвратить. Я понял, что был обязан жизнью своему другу точильщику и собственному благоразумию: ведь эти негодяи наверно убили бы меня без зазрения совести, если бы им удалось найти все мои деньги. Обманувшись в этом, но уверенные, что у меня были еще средства, они отказались от своего злодейского намерения. В ожидании более благоприятного случая, я достаточно владел собой, чтобы воздержаться от бесполезных обвинений и от угроз, к которым не люблю прибегать, не имея возможности привести их в исполнение. Но я понял, что в таком опасном положении я рисковал не только своей, но и чужой жизнью, и почувствовал необходимость обдумать наедине свои дальнейшие поступки.

Вскоре перед нами показались башни замка Шизэ. Тут я сказал Френуа, что мы остаемся на ночь в деревне, причем попросил его взять с собой людей и позаботиться о комнатах в гостинице. Но в нем сейчас же проснулись подозрения и любопытство: он решительно отказался оставить меня одного. Мошенник вероятно настоял бы на своем отказе, если б я не остановил лошадь и не показал ему ясно, что настою на своем, или же дело между нами дойдет до открытого разрыва. Как я и ожидал, он отступил перед этой последней возможностью и, попрошавшись со мной, ускакал со всеми людьми. Я подождал, пока они скрылись из виду, затем повернул Сиду, переехал небольшой ручеек, отделявший дорогу от места охоты, и, выбрав тропинку, которая, казалось, вела через лес по направлению к замку, поехал по ней, зорко осматриваясь по сторонам. Мысли мои обратились к той знатной богатой незнакомке, которая была уже так близка от меня. По мере приближения мысль о ней приводила меня в крайнее замешательство: тут только я сделал открытие, от которого у меня по всем членам пробежала дрожь. Десять крон! Увы, я потерял ту половинку монеты, которую дал мне король Наваррский, которая составляла мою единственную верительную грамоту. Она конечно исчезла вместе со всем остальным, что было у меня в кармане. Я подобрал повод и несколько минут оставался без движения, воплощая собой само отчаяние. Ветер, завывавший в обнаженных сучьях над головой, круживший по земле целые кучи желтых листьев и замиравший в шелестевшем папоротнике, нигде, казалось, не встречал такого горя, какое овладело мною в эту минуту.

Глава 4. Мадемуазель де ля Вир

В первую минуту я готов был броситься вслед за бездельниками и, с мечом в руках, потребовать у них монету. Несколько успокоившись, я отказался от этого невозможного намерения и решил действовать так, как если бы монета все еще находилась в моих руках, и прибегнуть к откровенному объяснению, когда наступит время. Решив немного ознакомиться с окрестностями, пока еще было светло, я начал осторожно пробираться вперед между деревьями. Не прошло пяти минут, как глазам моим представился один из угловых фасадов замка – здания времен Генриха II, воздвигнутого, как и большинство построек той эпохи, скорее для удовольствий, чем для защиты, и украшенного прелестными башенками и окнами. При всем том здание имело унылый, запущенный вид благодаря уединенности местоположения, позднему времени и, кажется, немногочисленности населения: ни на террасе, ни в окнах не было видно ни души. С деревьев, посаженных так близко к самому дому, что они едва пропускали свет в комнаты, падали капли дождя. Все это позволяло мне надеяться, что желания девушки будут согласоваться с моими просьбами. Трудно было поверить, чтобы молодая знатная девушка, родственница веселого и живого Тюрена, знакомая с придворными увеселениями, по собственной воле удалилась на зиму в такое мрачное уединение.

Воспользовавшись последними минутами дневного света, я осторожно объехал вокруг дома и, держась в тени деревьев, без труда заметил на северо-восточной стороне замка балкон, о котором мне говорили. Этот полукруглый балкон был обнесен каменными перилами и возвышался футов на 15 над проходившей под ним насыпной дорожкой, отделенной от леса глубоким рвом. С удивлением заметил я, что окно, выходившее на этот балкон, было открыто, несмотря на дождь и холодный вечер. Мало того. Мне положительно повезло. Не успел я взглянуть на окно, прикидывая его высоту и другие частности, как в ту же минуту, к великой моей радости, в нем появилась плотно закутанная женская фигура, которая вышла на балкон и стала смотреть на небо. Я стоял так далеко, что не мог различить, была ли то сама мадемуазель Вир или ее служанка; но в ее осанке чувствовалась такая печаль, такой упадок духа, что я не сомневался, что это была одна из них. Решившись не упускать случая, я поспешно спрыгнул с коня и, не привязав Сида, пешком двинулся вперед, пока не остановился на расстоянии нескольких шагов от окна.

Женщина заметила меня. Она отступила назад, но не скрылась. Продолжая всматриваться в меня, она тихонько позвала кого-то из комнаты: в ту же минуту на балконе появилась вторая, более высокая и крепкая фигура. Я уже раньше снял шляпу и теперь тихим голосом спросил, не имею ли чести говорить с мадемуазель де ля Вир. Среди надвигавшейся темноты невозможно было различить лица.

– Тсс! – предостерегающим голосом пробормотала более высокая фигура. – Говорите тише. Кто вы и что здесь делаете?

– Я явился сюда, – почтительно ответил я, – по поручению друга той дамы, которую я назвал, чтобы отвезти ее в безопасное место.

– Боже мой! – послышался быстрый ответ, – Теперь?.. Это невозможно.

– Нет, – прошептал я, – не теперь, а ночью. Луна восходит в половине третьего. Лошади мои нуждаются в отдыхе и корме. В три часа я буду под этим окном, захватив все необходимое для бегства, если барышне угодно будет следовать за мной.

Я чувствовал, что они всматривались в меня через темноту, словно стараясь проникнуть в мою душу.

– Ваше имя, сударь? – прошептала наконец меньшая фигура после молчания, полного нерешительности и возбуждения.

– Я не думаю, чтобы имя мое могло иметь теперь значение, мадемуазель, – ответил я, не желая назвать себя. – Когда...

– Ваше имя, ваше имя, сударь! – властно повторила она; и я слышал, как она топнула своим каблучком о каменный пол балкона.

– Гастон де Марсак, – неохотно ответил я. Обе они вздрогнули и одновременно вскрикнули.

– Не может быть! – воскликнула та, которая говорила последней, с досадой и удивлением в голосе. – Это шутка, сударь! Это...

Она предоставила мне догадываться о том, что хотела сказать еще: в эту минуту прислужница ее (я уже не сомневался теперь, которая из двух была мадемуазель и которая Фаншетта) закрыла рукой рот своей госпоже и указала ей на комнату. После минутного колебания, сделав мне предостерегающий знак, обе повернулись и исчезли в окне.

Я, со своей стороны, не замедлил укрыться под деревьями. Далеко не удовлетворенный свиданием, я решил, однако, что ничего не мог сделать больше, а, оставаясь по соседству с замком, мог только навлечь на себя подозрения. Поэтому я вновь сел на лошадь и выехал по большой дороге в деревню, где нашел своих людей, шумно въезжавших в гостиницу – жалкую лачугу с окнами без стекол, с огнем, разведенным на земляном полу. Первой моей заботой было поставить Сида в сарай, где с помощью какого-то полуголого мальчишки, казалось, прятавшегося в этом сарае, я удовлетворил, насколько мог, все его потребности. Затем я вернулся к передней стороне дома, предварительно обдумав, как приступить к предстоящей мне задаче. Проходя мимо одного из окон, полузакрытого грубой занавеской, сделанной из старого мешка, я остановился, чтобы заглянуть в комнату. Френуа и его четыре бездельника сидели вокруг огня на деревянных чурбанах и кричали, расположившись словно у себя дома. Какой-то разносчик, сидевший в углу со своими товарами, поглядывал на них с очевидным страхом и подозрением. В другом углу двое детей забрались под осла, спина которого служила насестом нескольким домашним птицам. Трактирщик, здоровый детина с толстой дубиной в руке, сердито нахмурившись, сидел на нижних ступенях лестницы, которая вела на чердак, а неряшливо одетая женщина, раздававшая посетителям ужин, казалось, одинаково боялась и гостей своих, и муженька.

Уверившись в подозрении, что негодяи опять замышляют что-то против меня, я шумно растворил дверь и вошел в комнату. Френуа насмешливо взглянул на меня; один из людей рассмеялся. Остальные хранили молчание; но никто из них не двинулся и не приветствовал меня. Не колеблясь ни минуты, я подошел к ближайшему парню и сильным ударом выбил из под него чурбан.

– Вставай, негодяй, когда я вхожу! – крикнул я, давая волю накипевшей во мне злобе. – И ты тоже!..

Еще удар – и второй чурбан полетел вслед за первым, а палка моя между тем несколько раз прошла по спине негодяя.

– Не умеете себя держать, бездельники! Убирайтесь вон, очистите место старшим!

Они встали, ворча и ощупывая свое оружие, и с минуту стояли против меня, поглядывая то на меня, то искоса на Френуа. Но он не подавал никаких знаков, товарищи же их только смеялись: в эту затруднительную минуту мужество покинуло их, они с недовольным видом перебрались на другую сторону очага, где и уселись, насупившись. Я, со своей стороны, сел рядом с их вожаком.

– Этот господин и я будем кушать здесь, – крикнул я человеку на лестнице. – Прикажете вашей жене дать нам все, что у вас есть лучшего, а этих бездельников потрудитесь накормить в таком месте, чтобы до нас не доносился запах их засаленных курток!

Обрадовавшись моему властному вмешательству, хозяин оставил свое место и очень проворно начал накрывать для нас стол и наливать вино, между тем как жена его наполнила наши

тарелки из черного горшка, висевшего над огнем. На лице Френуа блуждала между тем веселая улыбка, свидетельствующая о том, что он понимал мои намерения, но, уверенный в своем влиянии на наших людей, равнодушно относился к моим поступкам. Я показал ему, однако, что наши с ним счета еще не были сведены. Согласно моему приказанию, стол наш находился на таком расстоянии от всех остальных, что они не могли слышать нашего разговора; а я мало-помалу придвигался все ближе к нему.

– Господин Френуа! – сказал я. – Мне кажется, что вы готовы забыть одну вещь, которую вам следовало бы помнить.

– Что такое? – проворчал он, едва достаивая меня взгляда.

– А то, что вы имеете дело с Гастоном де Марсаком, – спокойно ответил я. – Как я уже говорил вам сегодня утром, я делаю последнюю попытку поправить свои дела и не позволю никому – понимаете, господин Френуа, никому! – безнаказанно стать мне поперек дороги.

– Кто же думает становиться вам поперек дороги? – нагло спросил он.

– Вы! – твердо ответил я, продолжая в то же время угощаться лежавшим подле черным хлебом. – Вы обокрали меня сегодня днем: я сделал вид, что этого не заметил. Вы поощряли этих людей в их нахальстве: я и это вам спустил. Но позвольте сказать вам следующее: если вы измените мне сегодня ночью, клянусь честью дворянина, господин Френуа, я заколю вас, как жаворонка.

– В самом деле? Но в эту игру могут играть двое! – крикнул он, быстро вскакивая со стула. – А еще лучше вшестером! Не лучше ли бы вам пообождать, господин де Марсак?..

– Я думаю, что лучше бы вам выслушать еще кое-что, прежде чем прибегать к помощи этих людей, – холодно ответил я, оставаясь на своем месте.

– Хорошо! – сказал он, по-прежнему стоя. – В чем дело?

– Ну, – возразил я, еще раз напрасно указав ему на стул, – если вы предпочитаете выслушать мои приказания стоя, то как вам угодно.

– Ваши приказания? – крикнул он с внезапным возбуждением.

– Да, мои приказания! – возразил я, быстро вскакивая на ноги и вынимая из ножен свой меч. – Мои приказания, сударь! – громко повторил я. – Если же вы оспариваете мое право приказывать в этом деле, равно как и платить за все, то давайте решим этот вопрос здесь же, немедленно, вы и я, один на один, господин Френуа.

Ссора, которую я готовил все это время, вспыхнула, однако, так внезапно, что никто не двинулся с места. Только женщина отступила назад к своим детям; все остальные сидели, разинув рты. Достаточно было им шевельнуться, достаточно было малейшей суматохе разгорячить в нем кровь – и, я не сомневаюсь, Френуа принял бы мой вызов, так как вовсе не лишен был отваги. Но тут, среди всеобщего молчания, лицом к лицу со мной, мужество изменило ему. Он остановился, поглядывая на меня нетвердым взглядом и не говоря ни слова.

– Итак, – сказал я, – не согласитесь ли вы, что раз я плачу, то имею право и отдавать приказания, сударь?

– Кто же думает ослушиваться ваших приказаний? – пробормотал он, залпом осушая стакан и усаживаясь на место с нахальным и хвастливым видом, стараясь скрыть свое поражение.

– Если вы не думаете, то и никто не думает, – ответил я. – Теперь все ладно. Еще вина, хозяин!

Френуа, видимо, дулся на меня и сидел молча, держа в руке стакан и сердито опустив глаза на стол. Он чувствовал унижение, которому подверг себя сам, и понимал, что это минутное колебание лишило его ореола в глазах его дружков-бездельников. Поэтому я поспешил смягчить его, изложив свои планы на предстоящую ночь, и преуспел в этом даже сверх ожидания: когда он услышал имя дамы, которую я собирался похитить, и узнал, что она находится в замке Шизэ, изумление уничтожило в нем последние следы досады. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Боже мой! – воскликнул он. – Да знаете ли вы, что делаете, сьер?

– Надеюсь, что да, – ответил я.

– Знаете ли вы, кому принадлежит замок?

– Виконту Тюрену.

– И знаете также, что мадемуазель де ля Вир его родственница?

– Да, – сказал я.

– Боже мой! – воскликнул он снова и посмотрел на меня, разинув рот.

– В чем дело? – спросил я равнодушно, хотя смутно чувствовал, что знаю, чересчур хорошо знаю, чем тут пахнет.

– Да ведь он раздавит вас, как я эту шляпу! – ответил он в сильном возбуждении. – Кто же, вы думаете, заступится за вас в частном споре такого рода? Король Наваррский? Франция? Ваш покровитель?.. Ни один из них! Уж лучше бы вы похитили драгоценные камни из королевской короны (король человек слабый), бумаги, касающиеся последнего заговора Гиза (он бывает иногда великодушен), или последнюю возлюбленную короля Наваррского (он податлив, как старый башмак)! Говорю вам, лучше вам иметь дело со всеми ними, чем дотронуться до овечки Тюрена, если только вы не имеете желания быть колесованным. Клянусь Богом, это так!

– Очень вам благодарен за ваш совет, – упрямо ответил я. – Но жребий брошен. Я вполне решился. Впрочем, если вы боитесь, господин Френуа...

– Я боюсь, я очень боюсь, – откровенно сознался он.

– Но нет никакой надобности, чтобы ваше имя появлялось в этом деле, – ответил я. – Я беру ответственность на себя. Я оставлю лишь свое имя здесь в гостинице, где несомненно будут наводить справки.

– Конечно, это уже кое-что, – задумчиво ответил он. – Хорошо, это – неприятное дело, но я участвую в нем. Вы желаете, чтобы я выехал вместе с вами сейчас, после двух часов, не правда ли? Остальные должны быть готовы в три, так?

Я выразил свое согласие, довольный тем, что он так скоро успокоился. Обсудив еще несколько раз все подробности, мы решили удирать через Пуатье и Тур. Я конечно не сказал ему, почему я выбрал пристанищем Блуа, равно как не объяснил и того, что намеревался там делать, хотя он настойчиво расспрашивал меня, и мои уклончивые ответы приводили его в задумчивое, даже мрачное настроение. Вскоре после восьми мы удалились наверх спать. Люди наши расположились внизу вокруг огня, и их громкий храп, казалось, потрясал все ветхое старое здание. Хозяина нашего мы попросили не ложиться и разбудить нас, как только взойдет луна. Оказалось, однако, что я мог бы взять эту обязанность на себя: от возбуждения и всяческих сомнений я почти не мог спать и уже долго лежал с открытыми глазами, когда услышал шаги трактирщика на лестнице. Я быстро вскочил на ноги; Френуа последовал за мной. Не теряя времени на разговоры, мы сели на коней и, взяв по запасной лошади, выехали на дорогу, прежде чем луна показалась над деревьями. Достигнув ограды парка, мы сочли более разумным сойти с лошадей и, не встретив по пути никаких затруднений, вскоре добрались до замка, верхняя часть которого блестела ровным холодным сиянием в лучах луны.

Прекрасная ночь и безоблачное небо придавали всему этому месту нечто торжественное, и я невольно остановился на минуту, охваченный каким-то страхом и благоговением, наряду с полным сознанием той ответственности, которую готов был взять на себя. В этот короткий промежуток времени в уме моем промелькнули все предстоявшие опасности: и у меня в последний раз явилось искушение отказаться от всего этого отчаянно-безумного предприятия. В такой поздний час кровь вообще медленнее течет по жилам, а я вдобавок провел перед тем бессонную ночь и теперь находился на холодном зимнем воздухе. Только воспоминание о моем одиноком существовании, о полном лишений и неудач прошлом, о пробивавшейся в волосах седине, о мече, который я всегда носил с честью, хотя и без особенной пользы для себя, – только мысль обо всем этом вернула мне самообладание и мужество. Потом я понял, что и товарищ

мой переживал нечто подобное: когда я нагнулся, чтобы спутать лошадей, он положил руку мне на плечо. Я взглянул на него: меня поразило дикое выражение его лица, столь бледного при лунном свете, и особенно глаз, блестевших, как у сумасшедшего. Он пытался говорить, но, казалось, не мог. Мне пришлось обратиться к нему с резким вопросом, прежде чем у него развязался язык. Когда он, наконец, заговорил, это были лишь бессвязные просьбы отказаться от предприятия, вернуться назад.

– Как, теперь? – удивленно спросил я. – Теперь, когда мы уже здесь, Френуа?

– Ах, откажитесь от этого! – крикнул он, неистово тряся мою руку. – Откажитесь! Говорю вам, плохо кончится!

– Что бы ни было, – холодно ответил я, освобождаясь от его руки, – я иду вперед. Вы, господин Френуа, можете поступать, как вам угодно.

Он вздрогнул и отвернулся от меня, но не проронил ни слова. Когда я отправился, чтобы принести лестницу с места, замеченного мною еще днем, он последовал за мной и в том же мрачном молчании сопровождал меня назад, к дорожке под балконом. Я уже неоднократно с нетерпением поглядывал на заветное окно, но не замечал там ни света, ни малейшего движения. Хотя это могло служить признаком того, что заговор мой открыт, или же ля Вир мне не доверяет, я, не колеблясь, тихо подставил лестницу к балкону, поручая Френуа остаться внизу на страже и защищать лестницу в случае нападения.

Осторожно поднявшись и держа в левой руке меч в ножнах, я перескочил через перила балкона. Протянув руку, я нащупал покрытую свинцом оконную раму и тихонько постучал. Окно поддалось, и я вошел в комнату. Я почувствовал, как на меня легла чья-то невидимая рука: кругом было совершенно темно. Рука провела меня на два шага вперед, затем остановила внезапным движением. Я слышал, как позади меня затянули занавес. Вслед за тем кто-то снял крышку с ночника – и комната наполнилась слабым, но достаточным светом.

Я понимал, что этот затянувшийся над окном занавес отрезал мне отступление, словно закрывшаяся дверь. Но недоверие и подозрения тотчас уступили место замешательству, ощущаемому человеком в ложном положении, из которого он может освободиться только при помощи щекотливого объяснения. Я находился в длинной, узкой, невысокой комнате. Завешанная какими-то темными тканями, поглощавшими свет, она оканчивалась еще более мрачным альковом. Два-три огромных сундука, с одного из которых еще не убраны были остатки обеда, стояли вдоль стен. Посреди пола лежала грубая циновка, на которой помещались небольшой стол, кресло, ножная скамеечка, пара стульев и несколько мелких предметов, разбросанных вокруг пары до половины наполненных седельных сумок. Меньшая и более тонкая из двух виденных мною фигур стояла около стола, в дорожном плаще, с маской на лице. Молчаливый вид, с которым она рассматривала меня, и вся ее холодная, полная презрения осанка смутили меня даже больше, чем сознание того, что я потерял ключ, который мог открыть мне доступ к ее доверию. Большая фигура оказалась здоровой, краснощекой женщиной лет тридцати, с большими черными глазами, нетерпеливой и грубой в обращении, что она выказала несколько позже, когда заговорила со мной. Мои представления о Фаншетте отнюдь не соответствовали внешности этой женщины с деревенскими манерами и мужицкой речью, которая скорее походила на дуэнью, чем на горничную придворной красавицы.

Она стояла позади госпожи, положив свою красную грубую руку на спинку кресла, с которого барышня, очевидно, встала при моем появлении. Несколько секунд, показавшихся мне минутами, мы стояли молча, осматривая друг друга; на мой поклон мадемуазель ответила легким кивком. Она, видимо, ждала, чтобы я заговорил.

– Мадемуазель де ля Вир? – нерешительно пробормотал я.

Она вновь только кивнула головой. Я попытался говорить с большей уверенностью.

– Извините меня, мадемуазель, если я буду краток: время дорого. Лошади стоят в ста ярдах от дома; все готово к вашему бегству. Если мы двинемся сейчас же, нам удастся уйти

беспрепятственно. Малейшее промедление, хотя бы на один час, и наш замысел может быть открыт.

Вместо ответа, она засмеялась под своей маской, засмеялась холодно и насмешливо.

– Вы очень спешите, сударь, – сказала она, и ее низкий чистый голос, вполне соответствовавший ее смеху, поднял в моей душе чувство гнева. – Я вас не знаю: вернее, не знаю о вас ничего такого, что давало бы вам право вмешиваться в мои дела. Вы слишком надеетесь на себя, сударь. Вы говорите, что вас направил сюда друг. Кто именно?

– Некто, кого я горжусь называть этим именем, – ответил я, призывая на помощь все свое терпение.

– Его имя!

Я твердо отвечал, что не могу назвать его, и в упор посмотрел на нее. Казалось, она на минуту смутилась и стала в тупик, но после короткого молчания продолжала:

– Куда же вы думаете отвезти меня, сударь?

– В Блуа, на квартиру одного из друзей моего друга.

– Вы смелы на словах! – ответила она с легкой усмешкой, – Вы, по-видимому, приобрели высокопоставленных друзей за последнее время... Но вы, без сомнения, имеете ко мне письмо или по крайней мере какой-нибудь знак, какое-нибудь удостоверение, какую-нибудь поруку в том, что вы действительно тот, за кого себя выдаете, господин де Марсак.

– Дело в том, мадемуазель, – заметил я, – я должен вам объяснить. Я сказал бы вам...

– Нет, сударь! – порывисто крикнула она. – Тут нечего говорить. Если вы имеете то, о чем я говорю, покажите мне. Это вы теряете время.

Я потратил не много слов и, видит Бог, и не думал тратить их много. Но, сознавая свою оплошность, я мог только изложить правду, что я и сделал с величайшим смирением:

– Я имел в своих руках тот знак, о котором вы говорите, мадемуазель: это половинка золотой монеты, врученная мне моим другом. Но, к стыду своему, я должен сознаться, что она украдена у меня...

– Украдена! – воскликнула она.

– Да, мадемуазель: поэтому я и не могу показать вам ее.

– Вы не можете показать ее? И вы осмеливаетесь явиться ко мне без нее? Вы!.. – крикнула она с такой силой, что положительно ошеломила меня, хотя я и ожидал упреков.

Едва переведя дух, она осыпала меня бранью, обозвала нахалом, человеком, сующимся не в свое дело, и наделила еще множеством эпитетов, которые мне стыдно вспомнить. При этом она обнаружила такую страстность, которая удивила бы меня даже в ее служанке, а в этом хрупком и на вид столь нежном создании совершенно смутила меня. Сознавая свою вину, я не мог, однако, понять особой горечи и надменности ее речи и смотрел на нее в немом удивлении, пока она сама не дала мне ключа к своим чувствам. В новом порыве ярости она сорвала с себя маску, и я, к удивлению своему, увидел перед собой ту самую молодую фрейлину, с которой встретился в передней короля Наваррского и которую имел несчастье подвергнуть насмешкам Матюрины.

– Кто платит вам за то, что вы делаете меня посмешищем двора, сударь? – продолжала она, сжимая свои тонкие руки, со слезами досады на глазах. – Мало того, что я принуждена была считать вас поверенным лиц, от которых имею право ожидать помощи! Мало того, что, благодаря их необдуманному выбору, мне пришлось предпочесть ненавистный плен, лишь бы избавиться от того смешного положения, в которое ставит меня ваше вмешательство! Но чтобы вы осмелились еще, по собственному почину, следовать за мной, – вы, предмет насмешек двора...

– Мадемуазель! – крикнул я.

– Оборванец, искатель приключений! – продолжала она, словно упиваясь своей жестокостью. – Это превосходит все пределы! Это невыносимо! Это...

– Нет, мадемуазель, вы выслушаете меня! – крикнул я так решительно, что она, наконец, остановилась. – Пусть я беден, но я все-таки дворянин! Да, мадемуазель, дворянин и последний отпрыск семьи, которая стояла не ниже вашей. Я требую, чтобы вы меня выслушали. Клянусь, что, являясь сюда сегодня ночью, я думал встретить в вас совершенно незнакомое мне лицо: я не знал, что уже видел вас раньше.

– Зачем же вы явились? – злобно спросила она.

– Меня просили явиться сюда те лица, о которых вы упомянули. За мной одна только вина: они вручили мне монету, которую я потерял. За это прошу у вас прощения.

– Да, вам приходится просить прощения, – ответила она с горечью, хотя, как мне показалось, с изменившимся выражением. – Если рассказ ваш правдив, сударь...

– Да, да! – подтвердила стоявшая позади нее женщина. – Что за вздор, в самом деле! Много шуму из пустяков! Вы выдаете себя за дворянина, а между тем носите такую куртку, что...

– Замолчите, Фаншетта! – повелительно заметила мадемуазель.

С минуту она стояла молча, пристально глядя на меня; губы ее дрожали от волнения; на щеках выступили два красных пятна. Платье ее и другие подробности свидетельствовали, что она решилась бежать, если бы я мог показать ей монету. Заметив, это и зная, как неохотно отказываются молодые девушки от раз принятых решений, я все еще надеялся, что она не будет упорствовать в своем недоверии. Так и вышло. Она заговорила уже со спокойным презрением.

– Вы ловко защищаетесь, сударь, – сказала она, барабанив пальцами по столу и не сводя с меня глаз. – Но не можете ли вы объяснить мне, что побудило упомянутую вами особу выбрать такого посла?

– Могу, – смело ответил я. – Эта особа желала отвлечь от себя всякие подозрения в содействии вашему бегству.

– О! – крикнула она с оттенком прежней страстности. – Значит, будут говорить, что мадемуазель де ля Вир бежала из Шизэ с де Марсаком?.. Я так и думала!

– При содействии господина Марсака, – возразил я, холодно поправляя ее. – Вам, мадемуазель, приходится взвесить, что хуже: эти ли толки или неприятность пребывания здесь? Мне остается лишь попросить вас решаться поскорей. Я и так уже замешкался здесь.

Едва успел я выговорить эти слова, как, словно в подтверждение им, до нас донесся какой-то отдаленный звук: то был шум захлопнувшейся двери. Прозвучав по дому в такой поздний час (по моему соображению, было уже больше трех), он не мог предвещать ничего доброго. Мы еще стояли, прислушиваясь, как вдруг за этим, последовали другие звуки – приглушенный крик и топанье тяжелых шагов в отдаленном коридоре. Мадемуазель взглянула на меня, я – на ее служанку.

– Дверь! – пробормотал я. – Заперта?

– И заколочена! – ответила Фаншетта. – Да еще заставлена большим сундуком. Пусть ломятся: они не могут нам причинить никакого вреда.

– В таком случае, вы имеете еще время решиться, мадемуазель, – прошептал я, отступая на шаг назад и кладя руку на задернутую над окном занавеску. Я старался казаться хладнокровнее, чем был на самом деле. – Еще не поздно. Если вы предпочитаете остаться, хорошо: я ничего не могу сделать. Но если вы решитесь довериться мне, то, клянусь честью дворянина, я буду достоин этого доверия, буду служить вам верой и правдой, буду защищать вас до последней капли крови. Больше я ничего не могу вам обещать.

Она дрожала, поглядывая то на меня, то на дверь: с другой стороны двери в эту минуту раздался громкий стук. Казалось, это придало ей решимости.

Раскрыв губы, с возбуждением в глазах, она поспешно обернулась к Фаншетте.

– Ах, ступайте, пожалуй! – угрюмо ответила женщина, поняв ее взгляд. – Худшего негодяя, чем тот, которого мы знаем, не может быть. Но если уж мы тронемся, помоги нам Боже! Мы дорого поплатимся, если он догонит нас.

Сама девушка не сказала больше ни слова; но этого было достаточно. Шум за дверью усиливался с каждой минутой; к нему примешивались теперь еще сердитые возгласы по адресу Фаншетты, приказания отворить дверь и угрозы за промедление. Схватив одну из седельных сумок и быстро отдернув покрывавшую окно занавеску, я положил конец этой сцене. В ту же минуту Фаншетта погасила огонь, хотя эта предосторожность, несколько запоздала. Широко раскрыв окно, я вышел на балкон, в сопровождении обеих женщин. Луна стояла уже высоко на небе и, заливая светом небольшое открытое пространство перед домом, позволяла ясно видеть все, что происходило внизу около лестницы. Френуа не было на его посту и не видно было нигде кругом. Но слева, с задней стороны замка, до меня донесся крик, возвестивший, что опасность угрожала нам уже не только из внутренних комнат: я решил, что мой товарищ отправился туда, чтобы отразить нападение. Без дальнейших размышлений, я стал быстро спускаться по лестнице, держа в одной руке меч, а в другой сумку. Я наполовину спустился, а мадемуазель уже вступила на лестницу вслед за мной, когда внизу послышались шаги Френуа, который бежал с мечом в руке.

– Живо! – крикнул я. – К лошадям, отвяжите их! Быстрее!

Я продолжал спускаться, думая, что он побежал исполнить мое приказание. Но едва успел я поставить ногу на землю, как сокрушительный удар в бок отбросил меня на несколько шагов в сторону. Нападение было так внезапно, что я вероятно никогда не узнал бы, кто нанес мне этот удар и как близок я был к смерти, если б не увидел, почти рядом с собой, разъяренное лицо Френуа и не услышал его прерывистого дыхания, в то время как он пытался высвободить свой меч, вонзившийся в мою седельную сумку. К счастью, я понял это раньше, чем он успел высвободить свое оружие. Сознание это придало силы моей руке. Я не мог обнажить меча в этой рукопашной схватке, но, отбросив спасшую мне жизнь сумку, два раза так сильно ударил негодяя рукояткой по лицу, что он упал навзничь на траву: на его обращенном кверху лице появилось темное, все расширявшееся пятно. Я едва успел справиться с ним, как обе женщины уже достигли нижних ступеней лестницы и остановились рядом со мной.

– Живо! – крикнул я им. – Иначе они нас настигнут.

Схватив мадемуазель за руку в ту самую минуту, как из-за угла дома показалось с полдюжины бегущих людей, я перескочил с нею через канаву и бросился через открытое пространство, отделявшее нас от деревьев. Когда мы укрылись под ними, мне оставалось еще поспешно снять путы с лошадей и посадить на них девушку со служанкой. Но удивительное присутствие духа моих спутниц и нерешительность преследователей, не отваживавшихся покинуть открытое место, не зная нашей численности, значительно облегчили нашу задачу. Я вскочил на Сиду (я приучил свою лошадь становиться передо мной) и, покончив одним ударом с конем Френуа, пустился по той самой дороге, по которой подъехал к замку днем. Это была ровная и свободная от деревьев просека. Выбирая ее, мы на время скрывали свои следы: наши преследователи должны были подумать, что мы направились по южной дороге, а не через деревню.

Глава 5. Дорога в Блуа

Мы выехали на большую дорогу, не встретив никаких препятствий, а оттуда, пользуясь лунным светом, быстрым галопом вскоре добрались до деревни. Тут мы примчались к гостинице, едва не опрокинув четырех «евангелистов», стоявших уже у дверей в ожидании. Решительным тоном я приказал им сесть на лошадей и чрезвычайно обрадовался, когда они, не колеблясь, исполнили мое приказание. Лошади громко застучали копытами, мы оставили деревушку позади себя и вскоре уже находились на дороге в Мель, на расстоянии двадцати трех лиг от Пуатье. Я оглянулся назад, мне показалось, что по направлению к замку мелькали какие-то огни. Но до рассвета оставалось еще два часа, и лунный свет не позволял мне различить, были ли то действительно огни или только порождение моего испуганного воображения.

Три года тому назад, когда принц Кондэ, после знаменитого отступления от Анжера, завел свою армию за Луару и, не видя возможности вновь перейти реку, принужден был сесть на корабль и уехать в Англию, предоставив каждому на собственный страх выпутываться из этого положения, мне пришлось одному, с пистолетом в руках, без остановок проехать более 30 миль по неприятельской земле. Но тогда я боялся только за себя и за свою лошадь. И хотя я ехал с осторожностью, тем не менее в предприятии моем не было ничего скрытного.

Не то было теперь. В первые часы нашего бегства из Шизэ я испытал незнакомое мне чувство тягостного возбуждения, тревоги, лихорадочного стремления вперед; оно заставляло меня принимать все доносимые до нас ветром звуки за погоню, превращая стук молота о наковальню в бряцанье мечей, а голоса своих собственных людей в крики наших преследователей. Напрасно девушка смело ехала вперед и, перескакивая через препятствия, обнаруживала мужество и выдержку, превосходившие мои ожидания: я не мог думать ни о чем, кроме предстоявших нам трех долгих дней, ежеминутно наполненных возможностью несчастья и гибели. Ведь измена Френуа, освободившая меня от известного стеснения, повлекла и потерю хорошего меча, а у нас их всего было два. Местность, отделявшая нас от Луары, эта граница между владениями нашей партии и Лиги, так часто подвергалась опустошениям, что наконец была предоставлена полностью грабежам и разбоям. Крестьяне бежали в города. Деревни их были заняты шайками разбойников и беглых солдат, бродивших по разоренным деревням вокруг Пуатье и грабивших всех, кто только осмеливался проезжать. В довершение всего, носились слухи, что королевская армия под начальством герцога Невера медленно подвигалась к югу недалеко от нашего пути, а поход гугенотов также должен был совершиться в нескольких лигах от нас.

Имей я при себе четырех верных, надежный товарищей, я отнесся бы и к этому положению с улыбкой и легким сердцем. Но сознание, что мои четверо бездельников могли каждую минуту возмутиться или, что еще хуже, избавиться от меня и всякой узды одним изменническим ударом, подобно Френуа, наполняло меня неизменным страхом, который мне с величайшим трудом удалось скрыть от них, но не от проницательного взгляда мадемуазель. Не знаю, подействовало ли на нее это последнее обстоятельство, на основании которого она могла изменить к худшему мнение обо мне, или же она раскаивалась в своем бегстве и хотела отомстить мне, но с рассвета она стала держаться со мной с холодной официальностью, почти столь же неприятной, как и та надменная сухость, с которой она обращалась ко мне, изредка удостоивая меня вопроса. Ни разу не дала она мне забыть, что я в ее глазах был нищим искателем приключений, который не имел ни малейших прав на какие бы то ни было преимущества дружбы или равенства. Когда я поправлял ей седло, она приказывала своей служанке придерживать подол ее платья, чтобы руки мои даже случайно не прикоснулись к нему. Когда я принес ей вина в Меле, где мы остановились на 20 минут, она подозвала Фаншетту и приказала подать ей его. В пути она большей частью не снимала маски и держалась рядом со своей служанкой.

Эта ее гордость и кичливость привели только к одному хорошему результату: они произвели впечатление на наших людей, которые прониклись сознанием ее знатности и той опасности, которой могло угрожать всякое столкновение с нею. Людям, нанятым Френуа, я приказал ехать шагах в двадцати впереди. Лука и Иоанн составляли прикрытие. Таким образом я рассчитывал держать их в известном отдалении друг от друга. Сам я думал ехать рядом с девушкой, но она так ясно показала мне, насколько неприятно ей мое соседство, что я отказался от своего намерения, предоставив ей довольствоваться обществом Фаншетты, а сам поплелся следом за ними, пытаясь привлечь на свою сторону задних «евангелистов».

Несмотря на мои опасения, дорога оказалась почти пустынной, как, увы, и местность по обеим ее сторонам. Мы объехали Лузиньян в Вьенне, избегая улиц, но настолько близко, что я указал барышне местоположение знаменитой башни, построенной, по преданию, прекрасной феей Мелюзиной и разрушенной лет тринадцать тому назад Лигой. Она так холодно выслушала мои указания, что я прекратил их и, пожав плечами, молча поехал позади, пока около двух часов пополудни перед нами не появился город Пуатье, расположенный на невысоком холме, посреди местности, утопающей летом в богатых виноградниках, но теперь пустынной и мрачной на вид. Обернувшись, Фаншетта вдруг спросила меня, не был ли то Пуатье. Я отвечал утвердительно, но прибавил, что, по известным причинам, рассчитываю остановиться не там, а в деревне, в миле от города, где есть сносная гостиница.

– Нам будет хорошо и здесь, – грубо ответила женщина. – Во всяком случае, моя госпожа не желает ехать дальше... Она устала, ей холодно, она промокла и уж довольно на сегодня проехала.

– Все-таки, – отвечал я, задетый небрежностью этой женщины, – надеюсь, что мадемуазель изменит свое решение, когда выслушает мои доводы.

– Мадемуазель не желает их слышать, сударь, – резко ответила сама барышня.

– Тем не менее, полагаю, лучше было бы вам их выслушать, – настаивал я, почтительно обратившись к ней. – Видите ли, мадемуазель...

– Я вижу только одно, сударь, – воскликнула она, срывая маску и обращая ко мне свое хотя и прекрасное, но горевшее гневом лицо. – Что бы ни случилось, я ночую в Пуатье.

– Не удовлетворитесь ли вы часовым отдыхом? – вежливо предложил я.

– Нет, не удовлетворюсь! – запальчиво возразила она. – И позвольте вам сказать, сударь, раз и навсегда, что вы слишком много себе позволяете. Вы обязаны сопровождать меня и отдавать приказания этим бездельникам, которых вы сочли нужным пригласить, чтобы опозорить наше общество, но вы не имеете права приказывать мне или противиться моим распоряжениям. Будьте добры на будущее ограничиваться исполнением своих обязанностей, сударь!

– Я желал бы только повиноваться вам, – ответил я, подавляя поднимавшееся в душе чувство гнева и оставаясь насколько мог хладнокровным. – Но я, прежде всего, обязан заботиться о вашей безопасности. Вы не подумали о том, что, если погоня ночью прибудет в Пуатье, нас начнут разыскивать по городу и мы будем взяты. Если же будет известно, что мы уже проехали через город, то погоня, может быть, и не поедет дальше, во всяком случае, не поедет дальше ночью. Поэтому, мадемуазель, – твердо прибавил я, – мы и не можем оставаться в Пуатье на ночь.

– Сударь! – воскликнула она, взглянув на меня, и лицо ее покраснело от удивления и негодования. – Вы осмеливаетесь...

– Я осмеливаюсь исполнить свой долг, мадемуазель, – ответил я, набираясь храбрости, хотя на душе у меня было невесело. – Я настолько стар, что мог бы быть вашим отцом. Мне нечего терять: иначе я не был бы здесь. Я не забочусь о том, что вы подумаете или скажете обо мне, лишь бы мне удалось исполнить то, за что я взялся. Но довольно об этом, мадемуазель: мы уже подъезжаем к воротам. Если позволите, я проеду по улицам рядом с вами. Мы, таким образом, возбудим меньше любопытства.

Не дожидаясь позволения, я стегнул лошадь и поехал рядом с нею, приказав Фаншетте ехать позади. Служанка повиновалась, не находя слов от негодования. Бросив на меня уничтожающий взгляд, мадемуазель в бессильном гневе оглянулась кругом, словно собираясь призвать на помощь против меня прохожих. Однако, передумав, она только пробормотала «нахал» и дрожащими, как мне показалось, руками надела на себя маску. Когда мы въехали в город, было уже поздно. Накапывал мелкий дождик. Однако улицы имели оживленный и деловой вид, тут и там толпились кучки народа, занятого беседой. Откуда-то доносился звон колокола; а около собора стояла большая толпа и внимательно слушала какого-то человека, читавшего прибитое к стене объявление. В другом месте солдат, с алыми цветами Лиги, запачканный и забрызганный, словно после далекого путешествия, держал речь к затаившей дыхание кучке людей, не проронивших, казалось, ни слова. На соседнем углу стояли несколько священников с мрачными лицами, перешептывавшихся между собой.

Многие поглядывали на нас и, казалось, хотели заговорить, но я решительно ехал вперед, не вступая в разговоры. Однако у северных ворот мне пришлось не на шутку испугаться; до захода солнца оставалось еще добрых полчаса, а привратник готовился уже запереть ворота. Завидев нас, он остановился с ворчливым видом, а в ответ на мой выговор пробормотал что-то о беспокойных временах и злонамеренных людях. В моем стремлении проехать поскорей через ворота и оставить по себе как можно меньше следов я не обратил особенного внимания на его слова.

Выехав за черту города, я уступил Фаншетте свое место, а сам снова остался позади. Молча проехали мы еще одну утомительную лигу: лошади и люди были одинаково измучены и пасмурны; женщины едва держались в седлах. Я начал уже бояться, что слишком долго испытывал силы барышни, как вдруг перед нами показалось длинное, низкое здание гостиницы на месте пересечения дороги с рекой. При сгущавшихся сумерках, все это место имело пустынный и унылый вид, но, когда мы один за другим медленно въехали во двор, на нас из окон и дверей упали полосы света, а до слуха донеслись звуки, свидетельствовавшие о жизни и ее удобствах.

Заметив, что мадемуазель оцепенела и словно застыла от долгого сидения, я хотел помочь ей сойти с лошади, но она отказалась от моей помощи. Я мог только попросить хозяина предоставить моей даме и ее служанке всевозможные удобства, в особенности же покой. Он вежливо ответил, что все будет сделано, но я заметил, что глаза его как-то блуждали, и он, по-видимому, был чем-то занят. Дело разъяснилось, когда он, устроив барышню, вернулся обратно.

– Случалось ли вам когда-нибудь видеть его, сударь? – спросил он со вздохом, к которому примешивалось, однако, что-то, похожее на удовольствие.

– Кого? – спросил я, глядя на него во все глаза.

– Герцога, сударь.

Я не знал, что и подумать от удивления.

– Герцога Невера нет тут поблизости, не правда ли? – сказал я тихо. – Я слышал, что он находится у границ Бретани, по пути на запад.

– Боже мой! – воскликнул мой хозяин, всплеснув руками. – Вы не слышали, сударь?

– Ничего не слышал, – нетерпеливо ответил я.

– Вы не слышали, что могущественный и знаменитый вельможа, герцог Гиз, скончался?

– Герцог Гиз скончался? Неправда!

Хозяин несколько раз кивнул головой со значительным видом и как будто готов был сообщить мне некоторые подробности. Но, вспомнив, как мне показалось, что его могли слышать с полдюжины гостей, сидевших позади меня вокруг большого огня и внимательно прислушивавшихся, он ограничился тем, что переложил полотенце с руки на руку и прибавил:

– Да, сударь, скончался. Новость эта пришла сюда вчера и наделала здесь немало шума. Это случилось в Блуа, за два дня до Рождества, если верить всему.

Я сидел, как пораженный громом. Эта новость могла изменить судьбу Франции.

– Как же это случилось? – спросил я.

Закрыв рот рукой и деликатно кашлянув, хозяин незаметно взял меня за рукав и с некоторым смущением дал мне понять, что не может сказать ничего больше при всех. Я уже готов был извиниться и выйти с ним в другую комнату, когда меня заставил обернуться какой-то грубый голос, обращавшийся, по-видимому, ко мне. Рядом со мной стоял высокий монах, с сухощавым лицом, в одежде якобинского ордена. Он встал со своего стула около очага и, казалось, боролся с сильным возбуждением.

– Кто спрашивает, как это случилось? – крикнул он, вращая зрачками словно в припадке безумия, хотя, кажется, наблюдал в то же время за своими слушателями. – Есть ли во Франции человек, до которого еще не дошла молва об этом? Есть ли такой?

– Отвечаю за одного, – отвечал я, недружелюбно посматривая на него. – Я ничего не слышал.

– Ну, так вы услышите! Слушайте! – воскликнул он, поднимая правую руку и потрясая ею, словно он обличал какое-либо присутствующее в комнате лицо. – Слушайте мое обвинение, которое я произношу от имени Матери Церкви и святых, – обвинение архилицемера, клятвопреступника и убийцы, занимающего высокое положение! Да будет ему анафема, ибо он пролил кровь святого и непорочного избранника Небес! Ему недолго придется ждать могилы! Пролитая им кровь взыщется с него, прежде чем пройдет год.

– Та-та-та! Все это звучит очень красиво, добрый отец, – сказал я с легким презрением, теряя терпение, я понял, что это один из тех странствующих и нередко помешанных монахов, из которых Лига набирала своих наиболее полезных членов. – Но я вынес бы больше пользы из ваших смелых слов, если бы знал, кого вы проклинаете.

– Человека, обагренного кровью! Благодаря ему в пятницу перед Рождеством преставился последний, но один из славнейших мучеников Господних.

Возмущенный таким богохульством, считая монаха, вопреки странности его слов и телодвижений, скорее плутом, чем сумасшедшим, я со строгим видом попросил его покончить с проклятиями и приступить к рассказу, если было что рассказывать. Он с минуту гневно смотрел на меня, словно собираясь выпустить на мою голову все свое духовное оружие. Но я спокойно выдержал его взгляд, а мои четыре бездельника, не меньше меня горевшие нетерпением услышать новость и не питавшие особого уважения к бритым головам, начали уже ворчать. Монах переменял свое намерение и, остыв так же внезапно, как раньше разгорячился, не замедлил удовлетворить мое любопытство. Мне трудно было бы повторить здесь эту сумасбродную и порой богохульную речь, в которой монах, величая Гиза мучеником Господним, рассказал мне столь известную теперь историю о темном зимнем утре в Блуа, когда королевский посол, рано явившись к герцогу, просил его поторопиться, так как король желал его видеть. История эта теперь уже достаточно стара. Но, когда мне пришлось впервые услышать ее в гостинице на Клэне, она еще не утратила свежести и казалась чудесной. Рассказывая ее так, будто он видел все собственными глазами, монах не упускал ничего, что могло произвести впечатление на его слушателей. Вот герцог получает предостережение, но еще в передней отвечает: «Он не посмеет!» Его кровь, словно предчувствуя смерть, начала леденеть в жилах, а глаз, раненный около замка Тьерри, стал вытекать, так что ему пришлось послать за платком, который он забыл взять с собой. . . Монах рассказал нам даже, как герцог волочил своих убийц назад и вперед по комнате, как он молил о пощаде, как он умер, наконец, у постели короля, и как король, никогда не смевший взглянуть ему в лицо при жизни, пришел и надругался над ним после смерти.

Когда он кончил, вокруг огня собрались бледные лица с нахмуренными бровями и крепко сжатыми губами. Когда он проклинал короля Франции, открыто ругая его по имени как Генриха Валуа, чего мне никогда не приходилось слышать, никто, правда, не сказал «аминь» и

все смотрели куда-то в сторону, а хозяин выбежал из комнаты, словно увидел привидение, но никто, казалось, не считал нужным и противоречить. Лично я был занят в эту минуту мыслями, которые небезопасно было бы изложить в этом обществе и вообще так близко от Луары. Я вспоминал события шестнадцатилетней давности. Кто, если не Генрих Гиз, надругался над трупом Колиньи? Кто, если не Генрих Валуа, содействовал ему в этом поступке? Кто, если не Генрих Гиз, залил Париж кровью и кто, если не Генрих Валуа, ехал рядом с ним! Одно 23-е число – день, который никогда не изгладится из летописей Франции, – послужило для Гиза началом власти, другое 23-е – днем расплаты: в этот день останки его, при наступлении ночи, тайком были вынесены неизвестно куда!

Взволнованный этими мыслями, я заметил, что монах уже обходил общество, собирая деньги за упокой души герцога, – предмет, на который я не мог ничего дать со спокойной совестью, но не мог и отказать, не возбуждая подозрений; так что я незаметно выскользнул из комнаты. Разыскав хозяина, беседовавшего с каким-то приличным на вид человеком в небольшой комнатке за кухней, я приказал подать себе бутылку лучшего вина и, благодаря такому началу, получил возможность поужинать в их обществе.

Незнакомец оказался нормандским торговцем лошадьми, возвращавшимся домой по распродаже товара. У него были свойственные его землякам черные волосы и пронизательные серые глаза. Он, казалось, вел крупные торговые дела и, обладая, подобно многим горожанам Нормандии, грубым и независимым нравом, склонен был сначала обращаться со мной с пренебрежением: он принял меня за приказчика, на основании того, что лошадка моя, которую он не прочь был поторговать, имела несравненно лучший вид, чем мое платье. Однако, при его торговых делах, ему приходилось сталкиваться с людьми различных классов, и он вскоре заметил свою ошибку. А так как он отлично знал провинции между Сеной и Луарой и по своим делам считал необходимым взвешивать случайности мира и войны, то я получил от него немало ценных замечаний и положительно полюбил его. Он полагал, что убийство Гиза повлечет за собой отпадение от короля значительной части Франции, так что за ним останутся лишь города на Луаре и еще несколько других мест, расположенных недалеко от его двора в Блуа.

– Но сейчас все, по-видимому, спокойно, – заметил я. – Здесь, например.

– Это спокойствие перед бурей, – ответил он, многозначительно кивая мне головой. – Там в комнате сидит один монах. Вы слышали его? Это – один из ста, из тысячи. Они будут добиваться своего, вы увидите. Конечно, лошади поднимутся в цене, так что мне нечего жаловаться; но если бы мне приходилось ехать теперь в Блуа с женщинами или с подобной поклажей, я не стал бы останавливаться по дороге собирать цветы, а постарался бы поскорее добраться до места.

Затем нормандец стал утверждать, что король будет чувствовать себя, как между молотом и наковальней, между Лигой, занявшей весь север, и гугенотами, занявшими весь юг: ему придется вступить в соглашение с последними, так как первые не удовольствуются ничем другим, кроме его низложения. Я согласился с ним, что нам предстояли большие перемены и очень тревожные времена.

– Если они свергнут короля, – сказал я, – ему должен наследовать король Наваррский. Он – наследник Франции.

– Ба! – с пренебрежением заметил мой собеседник. – Там уж Лига посмотрит: он не хуже других.

– В таком случае, оба короля будут провозглашены вместе, – сказал я с убеждением. – Вы правы: они должны соединиться.

– Так оно и будет. Это только вопрос времени.

Имея при себе только одного человека и, как я угадывал, значительную сумму денег, он на другое утро выразил желание присоединиться к нашему обществу, чтобы вместе доехать до Блуа. Я с радостью согласился: его присутствие среди нас сразу избавляло меня от большей

части моих опасений. Я не ожидал встретить никаких возражений и со стороны девушки: так и вышло. Я думаю, она с радостью приветствовала бы всякое прибавление к нашему обществу, избавлявшее ее от необходимости ехать рядом с моим старым плащом.

Глава 6. Жилище моей матери

Миновав Шательро и Тур, мы на третий день пути вскоре после полудня без всяких приключений, не видя за собой и следов погони, достигли окрестностей Блуа. Нормандец, которого я уже знал за человека разумного и проницательного, оказался и веселым попутчиком, его присутствие облегчило еще мне задачу держать в повиновении моих людей. Я уже считал свое предприятие почти оконченным. Рассчитывая через несколько часов поручить ля Вир заботам господина Рони, я стал размышлять о собственных планах и выборе убежища, где мог бы считать себя в безопасности от мести Тюрена. Мне удалось избежать погони и даже сравнительно легко расстроить планы Тюрена, благодаря замешательству, произведенному всюду смертью Гиза. Но я слишком хорошо знал его могущество и слышал столько примеров, в которых он проявлял свой резкий нрав и непреклонную волю, что не мог надеяться на безнаказанность и смотреть в будущее без страха и недоверия.

Восклицания моих попутчиков при виде показавшегося вдали Блуа вывели меня из задумчивости. Я присоединился к ним, вполне разделяя их волнение при виде изящных башен, которые были очевидцами стольких королевских празднеств и, – увы! – одной королевской трагедии, служили убежищем Людовику Возлюбленному и Франциску Великому, звучали смехом Дианы де Пуатье и Генриха II. Воображение украшало это мрачное здание тысячами и веселых, и серьезных воспоминаний. Но, хотя у подошвы прекрасного города и теперь, как в старину, расстилалась богатая долина Луары, преступление, казалось, накладывало на все свою тяжелую тень, омрачало даже блеск королевского знамени, лениво колыхавшегося в воздухе. Нам пришлось слышать столько рассказов о страхе и смятении в городе и о строгом осмотре, которому подвергались приезжие, так как король опасался повторения Дня баррикад, что мы остановились в небольшой гостинице, не доезжая мили до города, и там распрощались с нашим обществом. При прощании мой нормандец и я обменялись взаимными уверениями в дружбе; с моими людьми, с которыми я расплатился еще утром, дав каждому по приличному подарку, я расстался с не менее искренним чувством облегчения. Я надеялся никогда более не встречаться с этими бездельниками.

До заката солнца оставалось уже меньше часа, когда я подъехал к воротам, в сопровождении барышни и служанки. Вокруг караульни стояли солдаты, подвергшие нас тщательному осмотру: их строгие лица и оружие ясно показывали, что они находились здесь не только для виду. Но так как мы приехали из Тура – города, все еще находившегося в руках короля, – то нас благополучно пропустили. Очутившись в городе, где мы поехали друг за дружкой между двумя рядами домов, в окнах которых то и дело показывались переполошенные горожане, привлекаемые малейшим уличным шумом, я почувствовал значительное облегчение. Наконец-то Блуа! Мы находились на расстоянии нескольких десятков ярдов от «Кровавого Сердца». Через несколько минут задача моя будет окончена, и я вновь получу право думать только о себе. Удовольствие мое ничуть не умалялось от сознания, что мне приходилось расстаться с прелестной мадемуазель де ля Вир.

Говоря откровенно, она мне не понравилась. Знакомство с придворной атмосферой испортило, казалось мне, те приятные черты характера, которыми, быть может, и обладала когда-то эта молодая дама. В течение всего путешествия она держалась с тем же холодным, подозрительным видом, как и вначале: ни разу не выказала она ни малейшей заботливости обо мне, ни малейшей благодарности за то, что мы подвергались опасности ради нее. Она ни разу не пожертвовала своими прихотями ради удобства и даже безопасности всех. Она была такого высокого мнения о себе самой, что, казалось, считала себя свободной от всякой признательности по отношению к кому бы то ни было. Правда, она была красива: наблюдая за ней, я часто вспоминал тот день, когда видел ее в передней короля Наваррского, во всеоружии ее преле-

стей. Тем не менее, я чувствовал, что без сожаления расстанусь с ней, доставив ее в безопасное место, и буду рад, что наши дороги никогда более не встретятся. С такими мыслями я завернул за угол, на улицу Сен-Дени, в конце которой, против церкви, стояло «Кровавое Сердце» – небольшая, но приличная гостиница. Когда мы остановились, толстый седой человек, стоявший в дверях, вышел на улицу и, с любопытством посматривая на девушку, спросил, что мне угодно. Он вежливо прибавил, что дом был переполнен, и у него не было свободных комнат: последние события привлекли в Блуа массу народа.

– Мне нужен только один адрес, – ответил я тихо, нагибаясь к нему, чтобы не слышали прохожие. – Барон де Рони в Блуа?

При имени вождя гугенотов собеседник мой вздрогнул и тревожно оглянулся кругом. Увидев, однако, что поблизости никого не было, он ответил:

– Он был здесь, сударь, но оставил город уже больше недели тому назад. Тут происходили странные вещи: и Рони решил, что здешний климат ему вреден.

Он сказал это очень многозначительно. В то же время в словах его сквозила такая боязнь, чтобы нас не услышали, что, несмотря на все свое смущение и горькое разочарование, я подавил в себе всякие выражения чувства. После минутного смущения, я спросил его, куда уехал Рони.

– В Рони, – был ответ.

– А где находится Рони?

– За Шартром, почти около Манта, – ответил он, поглаживая спину моей лошади. – Лиг тридцать отсюда.

Я повернул лошадь и поспешил передать его слова барышне, ожидавшей меня в нескольких шагах. Эта новость была еще более неприятна для нее. Ее досада и негодование не знали пределов. С минуту она не находила, слов, но ее горевшие глаза говорили яснее языка. Наконец, она крикнула:

– Хорошо, сударь, что же теперь? Таковы-то последствия ваших прекрасных обещаний! Где же ваш Рони, если все это не выдумка с вашей стороны?

Чувствуя, что ее можно было до известной степени оправдать, я подавил свой гнев и повторил, что Рони уехал к себе домой, куда было два дня пути, и что я не мог предложить ей ничего другого, как отправиться вслед за ним. Я спросил хозяина, где бы мы могли найти помещение на ночь.

– Этого не могу вам сказать, сударь, – отвечал он, с любопытством посматривая на нас и без сомнения решив, что я с моим истасканным плащом и прекрасной лошастью и мадемуазель в маске и в затасканном дорожном костюме представляем весьма странную пару. – Нет ни одной гостиницы, в которой бы не были переполнены чердаки, даже конюшни, и, что всего хуже, хозяева неохотно пускают незнакомых людей. Странные времена теперь! Говорят, – продолжал он, понижая голос, – что старая королева умирает и не переживет этой ночи.

– Однако должны же мы пойти куда-нибудь!

– Рад бы помочь, – ответил он, пожимая плечами. – Но что поделаешь? Блуа переполнен сверху до низу.

Лошадь моя дрожала подо мной. Мадемуазель, потеряв терпение, яростно крикнула мне, чтобы я на что-нибудь решался.

Я видел, что она была сильно утомлена и едва владела собой. Сумерки стужались, накрапывал мелкий дождь. Мы задыхались от испарений, подымавшихся из каналов, от спертого воздуха, вырывавшегося из домов. Колокол, звонивший в церкви позади нас, возвещал окончание вечера. Несколько человек, привлеченных нашей группой, собрались вокруг нас и следили за всем происходящим. Я видел, что необходимо решиться на что-нибудь, и тотчас же. В отчаянии, не находя другого исхода, я прибегнул к средству, которое мне и не снилось раньше.

– Мадемуазель! – прямо сказал я. – Я должен отвести вас к моей матери.

– К вашей матери, сударь? – воскликнула она, выпрямляясь. В голосе ее послышалось надменное удивление.

– Да! – резко ответил я. – Другого места нет.

По последним известиям, моя мать должна была последовать сюда за двором.

– Друг мой! – обратился я к хозяину. – Не знаете ли вы, хотя бы по имени, госпожи де Бон, которая должна быть теперь в Блуа?

– Госпожа де Бон? – пробормотал он в раздумье. – Я недавно слышал это имя. Подождите минутку.

Исчезнув в дверях, он тотчас же появился вновь, в сопровождении сухощавого бледно-лицего юноши в черной изорванной рясе.

– Да, – сказал он, кивнув головой, – мне сказали, что на следующей улице живет одна почтенная дама, носящая это имя. Случайно этот молодой человек живет в том же самом доме и готов проводить вас, если пожелаете.

Я согласился и, поблагодарив за указание, повернул лошадь и попросил юношу идти вперед. Едва мы повернули за угол и выехали на другую, более узкую и менее оживленную улицу, как мадемуазель, ехавшая позади меня, остановилась и позвала меня.

– Я не еду дальше, – сказала она, и голос ее слегка задрожал, не знаю, от тревоги ли или от гнева. – Я не знаю вас и... и требую, чтобы вы отвели меня к господину де Рони.

– Если вы будете выкрикивать это имя на улицах Блуа, мадемуазель, то легко попадете в такое место, куда вам вряд ли хочется попасть. Что касается Рони, то я уже сказал вам, что его нет здесь. Он уехал в свой замок под Мантом.

– Так отвезите меня к нему!

– Теперь, ночью? – сухо спросил я. – Это два дня пути отсюда.

– Ну, так я отправлюсь в гостиницу, – упрямо ответила она.

– Вы слышали, что в гостиницах нет свободных комнат, – возразил я, стараясь не терять терпения. – Ходить теперь ночью из гостиницы в гостиницу было бы небезопасно для нас. Смею заверить вас, что я не менее вашего смущен отсутствием господина де Рони. Но в настоящую минуту у нас нет другого убежища, кроме квартиры моей матери и...

– Знать не хочу вашей матери! – страстно вы крикнула она, повышая голос. – Вы завлекли меня сюда ложными обещаниями, сударь, я не намерена этого долгие переносить. Я...

– В таком случае я не знаю, что делать, мадемуазель, – ответил я, окончательно теряя терпение: я не знал, что предпринять ввиду сопротивления этой упрямой девчонки, под дождем, в темноте, среди не знакомых улиц, где каждое промедление могло собрать вокруг нас толпу. – Я, со своей стороны, не могу предложить ничего другого. Мне не приличествует говорить о моей матери... Но я должен сказать, что даже мадемуазели де ля Вир нечего стыдиться, если ей приходится воспользоваться гостеприимством госпожи де Бон. К тому же, средства моей матери не так ограничены, – с гордостью прибавил я, – чтобы она была лишена преимущества своего рождения.

Эти последние слова, казалось, произвели некоторое впечатление на мою собеседницу. Она обернулась и заговорила со своей служанкой, которая отвечала ей тихим голосом, покачивая головой и поглядывая на меня в немом негодовании. Если бы им представилось что-либо другое, они без сомнения отказались бы от моего предложения. Но Фаншетта очевидно не могла ничего предложить: мадемуазель, с мрачным видом, приказала мне ехать вперед. Сухощавый юноша в черной рясе, стоявший все время около меня, то прислушиваясь, то с изумлением глядя на нас, кивнул и продолжал путь; я последовал за ним. Пройдя не более 50 ярдов, он остановился перед низкой дверью с решетчатыми окнами, перед которой поднималась высокая стена, очевидно служившая оградой какому-нибудь барскому саду. Улица в этом месте уже не была освещена и скорее походила на переулок. Внешность узкого, невзрачного, хотя и высокого дома, насколько я мог судить в темноте, отнюдь не могла рассеять подозрений

барышни. Зная, однако, что в городах людям с положением часто приходится жить в бедных домах, я не придавал этому никакого значения и только постарался поскорее помочь барышне сойти с лошади. Юноша ощупью нашел два кольца позади ворот; к ним я привязал лошадей. Приказав ему идти вперед и попросив ля Вир следовать за нами, я углубился в темноту коридора и ощупью подошел к неосвещенной лестнице, с которой на меня пахло спертым неприятным воздухом.

– Который этаж? – спросил я проводника.

– Четвертый, – спокойно ответил он.

– Черт возьми! – пробормотал я, начиная подниматься по лестнице и держась рукой за стену. – Что это значит?

Я был смущен. Доходы с Марсака, хотя и небольшие, все же позволяли моей матери, которую я в последний раз видел в Париже до Немурского эдикта, пользоваться некоторыми удобствами, которых, однако, нельзя было ожидать в этом темном, запущенном, неосвещенном доме. К моему смущению, в то время как я шел по лестнице, примешивалось еще чувство тревоги и за мать, и за мадемуазель. Я чуял недоброе и дорого дал бы за то, чтобы взять обратно навязанное барышне приглашение. Прислушиваясь к ее торопливому дыханию за моей спиной, я без труда мог догадаться, как чувствовала она себя в эту минуту: с каждым шагом я ожидал, что она откажется идти дальше. Но, решившись принять мое предложение, она теперь упрямо следовала за мной, хотя темнота вокруг нас была так непроницаема, что я невольно вынул кинжал, приготовившись защищаться, если бы все это оказалось ловушкой. Тем не менее, мы добрались до верха без всяких приключений. Проводник тихонько постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, отворил ее. На площадке горел слабый огонь. Наклонив голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, я вошел в комнату.

Сделав два шага вперед, я в яростном недоумении оглянулся кругом. Все, на чем ни останавливался мой глаз, носило на себе печать крайней нужды. На скамье, стоявшей посреди сгнившего пола, коптела потрескавшаяся фаянсовая лампа. Лишенное стекол окно было завешено старым черным плащом, который, подобно висельнику, раскачивался из стороны в сторону при каждом дуновении ветра. В одном углу стоял кувшин, и из отверстия в доньшке капля за каплей просачивалась вода. Чугунный горшок и вторая скамья, отбрасывавшая длинную тень по всему полу, стояли около очага, в котором тлела горсть угольев. Вот и вся мебель, не считая кровати, занимавшей отдаленный конец длинной и узкой комнаты и задернутой занавесками, составлявшими нечто вроде жалкого алькова. Я заметил также, что комната была пуста или, по крайней мере, казалась пустой. Однако я еще раз огляделся. Овладев, наконец, собой, я обратился к приведшему нас сюда юноше и с неистовым проклятьем спросил его, что это значит. Он отступил назад в открытую дверь, однако с каким-то мрачным недоумением ответил мне, что привел меня на квартиру госпожи Бон, которую я спрашивал.

– Госпожи де Бон! – пробормотал я. – Это квартира госпожи де Бон?

Он кивнул головой.

– Конечно! И вы это знаете! – прокричала мадемуазель над самым моим ухом хриплым от гнева голосом. – Не думайте, что вам удастся обманывать нас и дальше. Мы знаем все! Это, – продолжала она, оглядываясь кругом пылавшими гневом глазами, с ярким румянцем на щеках, – это квартира вашей матери, «которая последовала сюда за двором и не лишена преимуществ своего звания»! Вы обманщик, сударь, и обман ваш обнаружен! Пустите нас! Говорю вам, пустите меня, сударь!

Дважды пытался я остановить поток ее слов: напрасно. Тут гнев мой достиг крайних пределов, ибо какой же человек позволит бесчестить себя в присутствии своей матери?

– Молчите, мадемуазель! – крикнул я, схватив ее за руку. – Молчите, говорю я. Здесь – моя мать!

И, бросившись к кровати, я упал перед ней на колени. Слабая рука наполовину отодвинула занавес: с постели на меня, с выражением ужаса, смотрело постаревшее лицо моей матери.

Глава 7. Симон Флейкс

На несколько минут я забыл о девушке, ухаживая за своей матерью с тем безграничным вниманием, к которому обязывали меня ее положение и мой долг. С замирающим сердцем заметил я, насколько изменили ее болезнь и годы, с тех пор как я видел ее в последний раз. Впечатление, произведенное на нее словами барышни, было так сильно, что она впала в обморок, от которого некоторое время не могла очнуться. Наконец, она пришла в себя, скорее благодаря помощи нашего странного проводника, который, казалось, лучше знал, что делать, чем от моих усилий. Несмотря на все мое желание узнать, что привело ее в такую нужду и такое помещение, теперь не время было удовлетворять свое любопытство: я должен был прежде всего постараться изгладить то тягостное впечатление, которое произвели на нее слова мадемуазель. Придя в себя, она не сразу вспомнила их. Довольная тем, что видела меня около себя, она стала расточать мне свои слабые ласки и произносить бессвязные слова. Но вдруг взгляд ее упал на даму и ее служанку: она вспомнила о потрясении, лишившем ее чувств, затем о его причине и, опершись на локоть, дико оглянулась кругом.

– Гастон! – крикнула она, сжимая мою руку своими тонкими пальцами. – Что это я слышала? Кто-то говорил о тебе, какая-то женщина. Она назвала тебя – не снилось ли мне это? – обманщиком!.. Тебя!..

– Мадам, мадам! – сказал я, стараясь говорить непринужденно, хотя меня как-то странно трогал вид ее растрепанных седых волос. – Разве это возможно? Неужели кто-нибудь осмелился бы говорить со мной в таких выражениях в вашем присутствии? Вам это приснилось.

Она взглянула на меня как-то жалобно и в большом волнении обняла меня рукой за шею, словно собираясь защитить меня теми слабыми силами, которые позволяли ей только приподыматься в постели.

– Но кто-то сказал это, Гастон! – прошептала она, устремив глаза на незнакомых женщин. – Я слышала это! Что это значит?

– Вы без сомнения слышали, – отвечал я, стараясь казаться веселым, хотя в глазах у меня стояли слезы. – Это мадемуазель ругала нашего проводника из Тура, который требовал на чай в три раза больше, чем следует. Уверяю вас, этот наглый бездельник вполне заслужил все, что ему было сказано.

– Разве так это было? – недоверчиво прошептала она.

– Да, это наверное было то, что вы слышали, мадам, – отвечал я непоколебимо.

Она опустила на подушки со вздохом облегчения; на ее бледном лице показался слабый румянец. Но глаза ее по-прежнему с любопытством и страхом устремлены были на мадемуазель, мрачно смотрящую на огонь. Увидев это, я почувствовал, что сделал непростительную ошибку, приведя ее сюда. Я предвидел тысячи вопросов и осложнений и чувствовал уже, как к лицу моему подступала краска стыда.

– Кто это? – тихо спросила мать. – Я... больна... Она должна извинить меня.

Она указала своими хрупкими пальцами на моих спутниц. Я встал и, по-прежнему держа ее руку в своей, обернулся лицом к огню.

– Это, – ответил я важно, – мадемуазель... имя ее я, сообщу вам после, наедине. Теперь достаточно будет сказать, что она знатная барышня, порученная моему попечению одним высокопоставленным лицом.

– Высокопоставленным лицом? – повторила мать, взглянув на меня с улыбкой удовольствия.

– Одним из наиболее высокопоставленных, – сказал я. – Считая это поручение честью для себя и видя необходимость остаться на одну ночь в Блуа, я не мог придумать ничего лучшего, как обратиться к вашему гостеприимству, мадам.

Говоря это, я бросал вызов барышне. Я ждал, что она будет мне возражать. Вместо ответа, она слегка наклонила голову, посматривая на нас из-под длинных ресниц, затем вновь повернулась к огню и принялась с досадой постукивать ножкой по полу.

– Жалею, что не могу принять ее лучше, – слабо ответила моя мать. – У меня были потери за последнее время. Я... но об этом мы поговорим в другой раз. Мадемуазель, без сомнения, так хорошо знает тебя и твое положение на юге, – с достоинством продолжала она, – что не подумает ничего дурного о той временной нужде, в которой она меня застает.

Мадемуазель выпрямилась и бросила на меня взгляд, полный затаенного гнева, удивления и негодования, под которым я положительно согнулся. Но мать моя тихонько похлопывала меня по руке, и я терпеливо ответил:

– Мадемуазель не подумает ничего дурного, в этом я уверен, мадам. К тому же в Блуа сегодня нельзя найти помещения.

– Расскажи же мне о себе, Гастон! – с нетерпением воскликнула моя мать. – Ты все еще пользуешься расположением короля?.. Я не хочу назвать его здесь.

– Все еще, мадам, пользуюсь, – ответил я, упорно глядя на мадемуазель, хотя лицо мое пылало.

– Ты все еще... он советуется с тобой, Гастон?

– Да, мадам.

Мать моя испустила вздох облегчения и опустилась ниже на подушки.

– А твое жалованье? – прошептала она, и в голосе ее послышалось удовольствие. – Не уменьшено? Ты получаешь то же самое, Гастон?

– Да, мадам, – ответил я; на лице у меня выступил пот, я не мог перенести этого стыда.

– Двенадцать тысяч ливров в год, кажется?

– Да, мадам.

– А твой штат? Сколько у тебя теперь прислуги? Камердинер, конечно? И лакей. Сколько их?

В ожидании ответа, она с гордостью взглянула на две молчаливые фигуры, стоявшие у огня, затем окинула взглядом свою бедную комнату, словно этот жалкий интерьер увеличивал ее радость по поводу моего благосостояния. Она не имела ни малейшего подозрения о моих бедствиях и испытаниях и конечно не подозревала, что ее последний вопрос переполнил чашу. До сих пор все шло гладко; но этого я уже не мог выдержать. Я засмеялся и потерял способность владеть голосом. Мадемуазель, наклонив голову, смотрела в огонь. Фаншетта глядела на меня своими круглыми черными глазами, слегка раскрыв рот.

– Да, мадам, – пробормотал я наконец. – Сказать правду, вы должны это понять, я был вынужден...

– Что, Гастон?

Мадам де Бон наполовину поднялась в постели. В голосе ее слышались смущение и страх; она сильнее сжала мою руку. Я не мог противиться этой мольбе и отбросил в сторону последнюю каплю стыда.

– В последний год я был вынужден несколько уменьшить свой штат, – ответил я, чувствуя презрительный вызов в отвернувшейся от меня даме. Она назвала меня лжецом и обманщиком, здесь в комнате. Мне приходилось теперь лгать и обманывать в ее присутствии. – У меня теперь всего три лакея, мадам.

– Ну, это еще прилично, – задумчиво пробормотала мать; глаза ее блестели. – Однако твое платье, Гастон... Хотя мои глаза слабы, но оно кажется мне...

– Та-та-та! Это только маскарад, – быстро ответил я.

– Я бы должна была догадаться об этом сама, – возразила она, откидываясь назад с улыбкой и вздохом облегчения. – Но, когда я увидела тебя в первую минуту, я подумала, не случилось ли чего с тобой. Я беспокоилась последнее время, – продолжала она, выпуская мою руку

и теребя одеяло, словно воспоминание это смущало ее. – Тут был недавно один человек, друг господина Симона Флейкса... – Она посмотрела в сторону юноши в черном. – Он ездил на юг до По и Нерака. Он сказал, что не встречал при дворе никакого господина де Марсак.

– Он вероятно больше знакомился с кабаками, чем со двором, – ответил я с мрачной улыбкой.

– Так я ему и сказала, – живо и с жаром ответила моя мать. – Могу тебя уверить, он ушел от меня весьма недовольный.

– Конечно, такие люди всегда найдутся. Но теперь, если позволите, мадам, я сделаю необходимые распоряжения, чтобы устроить барышню.

Попросив ее лечь и отдохнуть, я отвел в сторону юношу, который успел между тем отвести в конюшню наших лошадей, и узнав, что он жил в небольшой комнате на той же площадке, попросил его уступить ее дамам, на что он и согласился. Вопреки замечавшейся в нем по временам легкой возбуждаемости, он казался проворным и услужливым малым. Несмотря на позднее время, он охотно отправился за провизией и некоторыми другим предметами, крайне необходимыми как для удобства моей матери, так и для нас самих. Я приказал Фаншетте помочь ему в устройстве второй комнаты и таким образом остался наедине с ля Вир. Она взяла одну из скамеек и сидела, согнувшись над огнем. Капюшон плаща плотно окутывал ее голову; даже когда она от времени до времени взглядывала на меня, я видел только ее глаза, пылавшие гневом и презрением.

– Так, сударь! – начала она теперь тихим голосом, слегка оборачиваясь ко мне. – Вы прибегаете ко лжи даже здесь.

Я только пожал плечами и ничего не ответил на насмешку. Еще два дня – и мы будем в Рони; задача моя будет окончена; дама и я расстанемся навсегда. Что мне будет тогда за дело до того, что она думает обо мне? Что мне за дело до этого теперь? В первый раз за все время нашего знакомства мое молчание, казалось, смutilo ее.

– Вы ничего не можете сказать в свою защиту? – резко спросила она, раздавив ногой кусок угля и наклонившись еще ближе к огню. – Нет ли у вас еще какой-нибудь лжи в вашем колчане, господин де Марсак? Де Марсак!..

Она повторила этот титул с презрительным смехом, словно не верила в мои права на него. Я не ответил ни слова. Мы сидели молча, пока не явилась Фаншетта, доложившая, что комната готова; она держала в руке свечу, чтобы осветить своей госпоже. Я велел ей вернуться назад за ужином для мадемуазель. Оставшись затем наедине с матерью, уснувшей с улыбкой на своем тонком постаревшем лице, я стал думать о том, что могло довести ее до такой ужасной крайности. Я боялся встревожить ее упоминанием об этом. Но позже, когда она уже задернула занавески у своей кровати и мы с Симоном Флейксом остались наедине, посматривая друг на друга, при свете угольев, словно собаки различных пород, мысли мои вновь вернулись к этому вопросу. Решившись узнать кое-что о моем собеседнике, которому бледное выразительное лицо и изодранное черное платье придавали нечто особенное, я спросил его: не приехал ли он с мадам де Бон из Парижа? Он молча кивнул головой. Я спросил его: давно ли они знакомы?

– Год, – ответил он. – Мы жили в Париже в одном и том же доме: я на пятом этаже, мадам на втором.

Я нагнулся вперед и дернул подол его черной рясы.

– Что это? – сказал я с оттенком презрения. – Вы не священник, любезнейший?

– Нет, – ответил он, сам ощупывая материю и взглянув на меня как-то странно, без выражения. – Я студент Сорбонны.

Я отступил от него, пробормотав проклятье, и, глядя на него с подозрением, не мог понять, каким образом он попал сюда, а главное, как мог он ухаживать за моей матерью, с детства воспитанной в правилах протестантской религии и тайно исповедовавшей ее всю жизнь.

Я знал, что в старые годы никто не мог быть более нежеланным гостем в ее доме, чем ученик Сорбонны, и начал уже думать, что тут надо было искать тайну ее бедственного положения.

– Вы не любите Сорбонны? – сказал он, угадав мои мысли.

– Не больше, чем дьявола! – прямо ответил я.

Он нагнулся вперед и, вытянув свою тонкую нервную руку, положил ее мне на колени.

– А что, если они все-таки правы? – пробормотал он хриплым голосом. – Что, если они правы, господин де Марсак?

– Кто прав? – резко спросил я, вновь отодвигаясь назад.

– Сорбонна, – повторил он; лицо его было красно от возбуждения, глаза в упор глядели на меня. – Разве вы не видите, – продолжал он, в своем увлечении сжимая мне колено и приближая свое лицо все ближе и ближе ко мне, – что все сводится к одному? Все сводится к одному: спасение или проклятие! Правы ли они? Правы ли вы? Вы говорите «да» на одно, «нет» на другое, – вы, с вашим белым духовенством. Вы говорите это легко, но правы ли вы? Правы ли вы? Боже мой! – продолжал он, вдруг отступая назад и нетерпеливо потрясая руками в воздухе. – Я читал, читал и читал! – Я слушал проповеди, речи, диспуты; и я ничего не знаю. Я знаю не больше, чем раньше.

Он вскочил и начал ходить по комнате. Я следил за ним с чувством сожаления. Мне пришлось слышать раз от одного очень ученого человека, что смуты того времени породили три сорта людей, одинаково достойных сострадания: фанатиков той и другой стороны, не видевших ничего, кроме своей веры; людей, которые, подобно Симону Флейксу, с отчаянием искали какой-нибудь веры и не находили ее; и, наконец, насмешников, не веривших ни во что и смотревших на всякую религию, как на предмет шуток.

Он вдруг остановился. Я заметил, что, несмотря на крайнее возбуждение, он не забывал о моей матери и ступал легче каждый раз, как приближался к алькову. Теперь он снова заговорил.

– Вы гугенот? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Как и она, – возразил он, указав на постель. – И вы не испытываете никаких сомнений?

– Нет, – спокойно ответил я.

– Как и она, – заключил он снова, остановившись напротив меня. – Вы пришли к определенному решению... каким путем?

– Я родился в протестантской религии, – сказал я.

– И никогда не пытались проверить ее?

– Никогда.

– Но много не думали об этом?

– Нет.

– Черт возьми! – воскликнул он тихим голосом. – И вы никогда не думаете о преисподней, о черве, который не умирает, и об огне, который никогда не угаснет? Вы никогда не думаете об этом, господин де Марсак?

– Нет, друг мой, никогда! – ответил я, с нетерпением вставая с места: в столь поздний час и в этой мрачной молчаливой комнате разговор наш удручал меня. – Я верю в то, чему меня учили верить, и стараюсь не наносить вреда никому, кроме неприятеля. Я думаю не много; и будь я на вашем месте, думал бы еще меньше. Я делал бы что-нибудь, любезнейший; сражался бы, играл, работал – все что хотите, только не думал бы. Предоставьте это ученым.

– Я ученый, – ответил он.

– Но, по-видимому, неважный, – возразил я с оттенком презрения в голосе. – Оставьте это, любезный! Работайте! Сражайтесь! Делайте что-нибудь!

– Сражаться? – спросил он, словно эта мысль показалась ему позой. – Сражаться? Но меня могут убить; и тогда меня ждет ад с его огнем.

– К черту, любезнейший! – крикнул я, теряя терпение при виде этого безумия. Лампа давала лишь слабый свет, в крышу барабанил дождь. Сознаюсь, у меня по спине пробежала холодная дрожь. – Довольно об этом! Оставьте ваши сомнения и ваш огонь при себе! Отвечайте мне, – продолжал я строго. – Как могла она опуститься до такого жилища?

Он сел на свой стул, с лица его исчезли следы возбуждения.

– Она отдала все свои деньги, – сказал он медленно и нехотя. Не трудно представить себе, насколько удивил меня этот ответ.

– Отдала? – воскликнул я. – Кому? Когда?

Он беспокойно задвигался на своем стуле, избегая моего взгляда. Его изменившийся вид возбудил во мне подозрения, которых отнюдь не могло рассеять то мнение, которое я только что составил себе о его нраве. Наконец он сказал:

– Я тут ни при чем. Вы, может быть, подозреваете меня; но я ни при чем. Наоборот, я делал все, что мог, чтобы возместить ей эти деньги. Я последовал за нею сюда. Клянусь, это так, господин де Марсак.

– Однако вы не сказали мне, кому она их отдала? – строго заметил я.

– Она отдала их одному священнику, – пробормотал он.

– Какому священнику?

– Имени его я не знаю; он якобинец.

– А зачем? – спросил я, недоверчиво поглядывая на студента. – Зачем она отдала ему свои деньги? Полно, полно! Будьте осторожны. Не сочиняйте мне ваших сорбонских историй!

Он с минуту колебался, робко поглядывая на меня, но, наконец, решился высказаться:

– Он узнал, что она гугенотка; это было еще в Париже, в июне месяце, вы понимаете? Это было как раз около того времени, когда они сожгли Фукаров. Он стал пугать ее этим и заставлял давать себе деньги за сохранение ее тайны, сперва немного, потом все больше и больше. Когда король переехал в Блуа, она последовала за ним, думая, что здесь будет в большей безопасности; но монах явился и сюда и требовал все больше и больше денег, пока, наконец, не оставил ей... вот чего!

– Вот чего! – повторил я и стиснул зубы.

Симон Флейкс кивнул головой. Я окинул взглядом жалкий чердак, в котором приходилось жить моей матери, и мысленно представил себе дни и часы страха и нерешительности, которые ей пришлось пережить, чувствуя над своей седой головой угрозы этого негодяя! Я думал о ее происхождении и настоящем унижении, о ее слабом сложении и неумирающей любви ко мне. В эту ночь я торжественно поклялся перед небесами наказать негодяя. Гнев мой был так велик, что я не мог выразить его словами, а для слез я был уже слишком стар. Я не предлагал больше вопросов Симону Флейксу, а только спросил его, когда можно было вновь ожидать посещения монаха, и узнает ли он его. На первый вопрос он не мог мне ответить, на второй ответил утвердительно. Завернувшись в плащ, я прилег к огню и погрузился в долгие, мрачные размышления. Итак, пока я бедствовал там, мать моя умирала с голоду здесь. Она обманывала меня, я – ее. Сквозной ветер то и дело приподнимал плащ, служивший оконной занавесью, и лампа слабо мерцала, отбрасывая неясные тени. С потолка непрерывно, капля за каплей, стекала вода; порывы ветра потрясали ветхое здание, словно собираясь поднять его на воздух и смести с лица земли...

Глава 8. Пустая комната

Решив отправиться в путь как можно раньше, чтобы достигнуть Рони к вечеру второго дня, я разбудил Симона Флейкса еще до рассвета и, узнав от него, где стояли наши лошади, вышел почистить их. Я предпочел сделать это собственноручно, чтобы кстати отыскать портного и запастись платьем, более подходящим моему званию. Из денег короля Наваррского у меня оставалось еще 90 крон: я истратил 12 на покупку куртки из темной материи с искрой, обшитой тесьмой, такого же скромного плаща и новой шляпы с перьями. Торговец хотел снабдить меня и новыми ножнами, но я дал себе обет носить обнаженный меч до тех пор, пока не накажу негодяя, обратившего старость моей матери в страдание: исполнить это я решил, во что бы то ни стало, рассчитывая приняться за него, как только исполню мое поручение.

Выбор платья и небольшие переделки в нем несколько задержали меня: было уже довольно поздно, когда я направился домой, торопясь как можно скорей выступить в путь. Помню, утро было ясное и морозное; канавы высохли, улицы были сравнительно чисты. Лучи раннего солнца, пробиваясь тут и там среди нависших крыш, служили предвестниками прекрасной погоды для путешествия. Но лица, как я заметил по пути, не отвечали радостному настроению природы. Всюду я встречал озабоченные взгляды; меня то и дело нагоняли курьеры, направлявшиеся во дворец; а горожане стояли без дела в дверях своих домов или же собирались кучками на углах, как будто замышляя измену. Королева-мать еще была жива; но Орлеан, Сане и Мане, Шартд и Мелен были охвачены восстанием. Говорили, что и Руан уже колебался, а Лион поднял оружие. Париж низложил короля, и тысячи проклятий ежедневно неслись на его голову с церковных кафедр. Великое возмущение, последовавшее за смертью Гиза и продолжавшееся столько лет, уже началось: в день Нового Года владения короля вряд ли простирались дальше того пространства, которое он мог окинуть взглядом, когда тревожно всматривался в даль, стоя на башне, поднимавшейся над моей головой.

Добравшись до дому, я поспешно поднялся по лестнице, не обращая внимания на царивший там мрак и нечистоту и обдумывая, как бы поскорей перевести мою мать в лучшее помещение. На последних ступенях я заметил, что дверь в комнату мадемуазель на левой стороне площадки была открыта: стало быть, она уже готова отправиться в путь. Я быстрыми шагами вошел в комнату моей матери, ободренный свежим утренним воздухом. Но на пороге я остановился в немом изумлении. В первую минуту мне показалось, что комната пуста. Всмотревшись внимательнее, я увидел студента. Он стоял на коленях перед кроватью: занавески алькова были сорваны. С окна также снят был занавес, и холодный дневной свет, врываясь в комнату, еще яснее выделял всю ее невзрачную пустоту. Сердце у меня сжалось. У огня лежал опрокинутый стул, а над ним, притаившись на балке, сидела серая кошка, которая смотрела на меня с затаенной свирепостью. Ни барышни, ни Фаншетты не было в комнате, а Симон Флейкс не обращал на меня никакого внимания. Он что-то делал у постели, как мне показалось, для моей матери.

– Что это значит, любезный? – воскликнул я, на цыпочках подходя к кровати. – Где остальные?

Студент оглянулся и заметил меня. Лицо его было бледно и мрачно; глаза горели, но в них стояли слезы; следы слез видны были и на щеках. Он не сказал ни слова; но за него говорили холод, пустота и убогий вид комнаты. Сердце у меня упало. Я схватил его за плечи.

– Развяжите язык, любезный! – гневно сказал я. – Где они?

Он встал с колен и неподвижно смотрел на меня.

– Они ушли, – ответил он тупо.

– Ушли? – воскликнул я. – Не может быть! Когда? Куда?

– Полчаса тому назад. Куда, не знаю.

Удивленный и смущенный, я смотрел на него, борясь со страхом и бешенством.

– Вы не знаете? – крикнул я. – Они ушли, а вы не знаете?

Он внезапно повернулся ко мне и схватил меня за руку.

– Нет, не знаю, не знаю! – крикнул он тоном страстного возбуждения, внезапно переменив свое обращение. – Ну да, пусть их идут! Я знаю только одно: я знаю, с кем они ушли, эти ваши друзья, господин де Марсак. Явился какой-то франт, пустомеля, изящный щеголь, обратился к ним с красивыми словами, показал им какой-то золотой значок и... раз, два, живо! Они ушли и забыли вас.

– Что! – крикнул я, ухватившись за одну нить в его речи, которая открыла мне глаза. – Золотой знак? Они попались в ловушку! Нельзя терять времени. Я должен идти за ними.

– Нет! Ведь это еще не все! – ответил он, прерывая меня и сильнее сжимая мою руку своими пальцами; глаза его сверкали. – Они ушли с человеком, который назвал вас обманщиком, вором и нищим: и все это в глаза вашей матери! Он убил ее! Убил так же верно, как если бы заколол ее мечом, господин де Марсак! Неужели и теперь вы покинете ее ради них?

Он говорил ясно. Но, да простит мне Бог, я не сразу понял его. Когда я, наконец, обратился к матери и увидел ее неподвижное лицо и разбросанные по низкой подушке редкие волосы, тогда только я понял все... Я уже не думал о других. С отчаянным криком я бросился перед нею на колени и закрыл свое лицо руками. В конце концов, что мне было за дело до этой упрямой девчонки, даже до короля, когда передо мной умирала моя мать, единственное человеческое существо, которое еще любило меня, носило одно со мною имя! Эти несколько минут я был достоин ее, ибо забыл обо всем остальном. Симон Флейкс вывел меня, наконец, из оцепенения, дав мне понять, что она не умерла, а только в глубоком обмороке от потрясения. Тут вошел доктор, за которым он посылал соседа. Заняв мое место, он привел ее в чувство. Но ее крайняя слабость не позволяла мне надеяться ни на что, кроме временного улучшения. Умиравшая лежала с закрытыми глазами, держа мою руку в своей. Около полудня студент дал ей немного бульона. Она ожила и, узнав меня, более часу смотрела на меня с невыразимым удовольствием. Я думал уже, что она потеряла способность говорить; но она знаком попросила меня наклониться к ней, прошептав что-то такое, что я не сразу понял. Наконец я расслышал:

– Она ушла? Та девушка, которую ты привел с собой?

Крайне смущенный, я отвечал утвердительно, но просил ее не думать об этом. Мне, однако, нечего было опасаться: когда она заговорила вновь, в ней не было заметно возбуждения.

– Когда ты найдешь ее, Гастон, – прошептала она, – не сердись на нее. Она не виновата: он обманул ее. Посмотри!

Я взглянул в том направлении, куда она указывала мне скорее глазами, чем рукой, и заметил у изголовья золотую цепочку.

– Она оставила это? – прошептал я, глубоко взволнованный.

– Она положила это здесь. Она пыталась остановить его, когда он говорил, но не могла, Гастон. Потом он увлек ее за собой.

– Он показал ей какой-нибудь знак, не так ли?

– Какой-то кусок золота, – прошептала моя мать, слабо улыбнувшись. – Теперь я засну...

Студент, которого я послал за припасами, вскоре вернулся, и мы просидели около нее далеко за полночь. Со странным облегчением узнал я от доктора, что она уже раньше похвывала и в любом случае не могла долго прожить. Она не страдала и не чувствовала страха. Выходя по временам из сонливости и встречаясь взглядом со мной, она, казалось, благодарила Бога и была довольна. Помню, что для меня в этой комнате сосредоточивался тогда весь свет. Тишина ее не нарушалась отзвуком смут, волновавших города Франции, а сосредоточенное здесь слабое дыхание матери подавляло все честолюбие, все надежды моей жизни... Перед рассветом Симон Флейкс вышел из комнаты, чтобы почистить лошадей. Вернувшись назад, он

подошел ко мне и шепнул на ухо, что имеет сказать кое-что. Мать моя спала спокойным сном; я высвободил свою руку и, тихонько встав с места, подошел к очагу. Не говоря ни слова, Флейкс поднес ко мне кулак и вдруг раскрыл руку. Я взял то, что он держал в руке. Это был бархатный бант какого-то особенного темно-красного цвета; взглянув на него, я сейчас же вспомнил, что видел его на маске мадемуазель.

– Где вы нашли это? – пробормотал я, полагая, что он подобрал его на лестнице.

– Посмотрите на него! – нетерпеливо ответил он. – Вы не осмотрели его, как следует.

Я перевернул бант и увидел нечто, ускользнувшее от меня при первом взгляде. Какой-то причудливый узор, вышитый белым шелком неумелою рукой, покрывал большую часть бархата. Стежки составляли буквы. С испугом прочел я: Ко мне! В углу, вышитые более мелкими стежками, стояли начальные буквы: Ц. д. л. В. Я с нетерпением взглянул на студента и спросил:

– Где вы нашли это?

– На улице, – спокойно ответил он. – В трехстах шагах отсюда.

– В канаве или около стены?

– Конечно, около стены.

– Под окном?

– Именно. Можете быть покойны: я не дурак. Я заметил это место, господин де Марсак, и не забуду его.

Я находился в жестоком затруднении и не знал, как поступить. С одной стороны, я не мог оставить свою мать, с другой – не мог без мучительной боли оставаться в бездействии, когда ля Вир, которую я поклялся защищать, и которая теперь страдала из-за моей оплошности, взывала о помощи. Я не мог сомневаться, что именно таково было назначение бархатного банта. Конечно, вспоминая гордый, бесстрастный нрав этой дамы и ее отношение ко мне, я не мог ожидать ничего хорошего. Я был уверен, что только крайняя нужда могла заставить ее так унизиться. Это соображение, в связи с опасением, что она попала в руки Френуа, возбудило во мне ужасное сомнение: я не мог решить, куда призывал меня долг. Меня тянуло и в ту, и в другую сторону. Рука моя нащупывала рукоятку меча, ноги не могли устоять на месте; а глазами я искал мать и тревожно прислушивался к ее тихому дыханию. Мучимый беспокойством, я взглянул на студента. Глаза наши встретились.

– Вы видели человека, который увел ее? – пробормотал я. – Каков он на вид? Толстый, распухший тип, с повязкой на голове, или, быть может, с раной на лице?

– Совсем нет! Это был высокий молодой щеголь, очень красиво одетый, с темными волосами и прекрасным цветом лица. Я слышал, как он сказал ей, что явился от одного ее высокопоставленного друга, которого не решался открыто назвать в Блуа. Он прибавил, что принес от него известную ей вещицу. Когда же мадемуазель упомянула о вас... Она вошла, со своей служанкой, в комнату вашей матушки как раз вслед за ним...

– Он, значит, подстерег меня, когда я выходил?

– Да. Ну, так когда она упомянула о вас, он поклялся, что вы проходимец, самозванец, и спросил ее, считала ли она возможным, чтобы ее друг дал такое поручение такому человеку?

– И после этого она ушла с ним?

Студент кивнул головой.

– Без всяких промедлений? По собственной воле?

– Ну да! Так мне показалось. Как я понял, она не хотела, чтобы он говорил при вашей матери, вот и все.

Я невольно сделал шаг по направлению к двери, но, вспомнив свое положение, со стоном вернулся назад. Не владея собой, стремясь найти какой-нибудь исход своим чувствам, я схватил юношу за плечи и начал трясти его.

– Скажите, что мне делать? – сказал я сквозь зубы. – Говорите, думайте! Придумайте что-нибудь.

Он только покачал головой. Я выпустил его, пробормотав проклятье, сел на стул около кровати и обеими руками схватился за голову. Но в эту самую минуту совершенно неожиданно явилась помощь. Дверь отворилась, и в комнату вошел доктор. Это был опытный врач, имевший много дела при дворе, однако гугенот, что и побудило Симона Флейкса обратиться к нему через хозяина «Кровавого Сердца», этого тайного места свидания протестантов в Блуа. Исследовав больную, он собирался уже уйти, как человек деловой, серьезный и молчаливый, но я остановил его у дверей.

– Что скажете, сударь? – спросил я тихо, положив руку на его пальто.

– Она пришла в себя и может прожить еще дня три, – спокойно ответил он. – Может быть, и четыре, а если Богу угодно будет, то и больше.

Сунув ему в руку две кроны, я просил его приходить ежедневно, что он и обещал, уходя. Мать продолжала спокойно дремать, а я, покончив со своими сомнениями, решительно обратился к Симону Флейксу.

– Слушайте и отвечайте! Мы не можем оба уйти отсюда: это ясно. А между тем я должен отправиться, и притом немедленно; к тому месту, где вы нашли бархатный бант. Опишите мне точно это место так, чтобы я мог найти его.

Он кивнул головой и после минутного размышления ответил:

– Вы знаете улицу Сен-Дени? Хорошо. Ну, так идите по ней так, чтобы «Кровавое Сердце» оставалось у вас по левую руку. Пройдя гостиницу, заверните на вторую улицу налево. Третий дом от угла, опять-таки по левой стороне, имеет ворота, ведущие к госпиталю Св. Креста. Над воротами, в нижнем этаже, есть два окна, над ними – еще два. Бант лежал под первым окном, считая с той стороны, с которой вы подойдете. Понимаете?

– Прекрасно. Вы недаром учились, Симон.

Он задумчиво посмотрел на меня, но ничего не прибавил. Я подтянул свой меч и накинул плащ так, чтобы он закрывал и нижнюю часть лица. Затем я вынул и пересчитал 35 крон, которые передал Флейксу, попросив его оставаться при моей матери, в случае если бы я не вернулся. Хотя я рассчитывал только отправиться на разведку и узнать, находилась ли еще мадемуазель в Блуа, тем не менее, будущее представлялось мне сомнительным, особенно ввиду того, что враги мои знали меня, мне же они были совершенно незнакомы. Молча простившись с матерью и выйдя из комнаты, я стал медленно спускаться по лестнице.

Когда я вышел и на минуту остановился в переулке, осматриваясь по сторонам, на часах пробило 11. Я, однако, никого не заметил: переулок был пуст. Уверенный в том, что всякая попытка с моей стороны ввести в заблуждение моих врагов, которые наверно знают Блуа лучше меня, должна была окончиться неудачей, я прямо пошел к улице Сен-Дени. Улицы имели тот же мрачный вид, что и накануне. Те же кучки стояли на тех же углах; теми же подозрительными взглядами встречали они всех незнакомцев; горожане проявляли ту же бездеятельность, а лица, приносившие новости, – ту же лихорадочную поспешность. Я заметил, что даже здесь, под самыми стенами дворца, узы закона и порядка были натянуты до предела, и должен был сказать себе, что теперь во Франции право ставится ни во что и господствует только сила. Такое положение вещей благоприятствовало моему намерению, и я решительно пошел своей дорогой.

Без труда нашел я ворота, о которых говорил Симон, и окно, под которым он поднял бархатный бант. Я воспользовался аллеей, выходявшей почти прямо к этому окну, чтобы осмотреть дом. Прежде всего, я заметил, что нижнее окно было снабжено только крепкими ставнями, которые были в эту минуту открыты, верхнее же было крепко заколочено. Я сосредоточил свое внимание на последнем. Дом, старое каменное здание, казался вполне приличным: я не мог заметить ничего такого, что возбудило бы мои подозрения, если бы бант был найден в ином месте. На нем был изображен герб какого-то религиозного братства; и тут, очевидно, был некогда главный вход в госпиталь, стоявший позади. Теперь же здание, по-види-

мому, было отведено под квартиры для высшего класса. Я не мог решить, были ли оба этажа заняты одним жильцом или нет. Простояв несколько минут, не видя, чтобы кто-нибудь вошел или вышел из дома, не замечая ничего такого, что могло бы дать мне какие-либо указания, я решил попытаться проникнуть в дом: улица была пуста, и дом, по-видимому, охранялся не особенно строго. Входная дверь находилась под воротами, с правой стороны. Из всего виденного я заключил, что швейцар, по всей вероятности, отлучился, чтобы поболтать с кумовьями о государственных делах. Так оно и оказалось: когда я благополучно перешел через улицу и спокойно проскользнул в полуотворенную дверь, я нашел в сенях только его булаву и жаровню. Я стал подниматься по лестнице, не сомневаясь, что без посторонней помощи мог достигнуть цели скорее отвагой и решимостью, чем осторожностью.

Лестница слабо освещалась небольшими окошечками, выходившими на заднюю сторону дома, но содержалась опрятно. По всему дому царил молчок, прерываемый только звуком моих шагов; во всем чувствовалось столько порядка и приличия, что, по мере того как я поднимался, надежды мои на успех ступеньками. Я, однако, шел себе вперед, пока не добрался до второго этажа и не остановился перед запертой дверью. Настала минута поставить все на карту. Несколько секунд я прислушивался: все было тихо. Я осторожно поднял засов. К моему удивлению, дверь поддавалась: я вошел. Передо мной стояла высокая скамья, заслонявшая вид на всю комнату, казавшуюся обширной и заполненной дорогими тканями и мебелью, хотя потолки были низкими, и слабо освещенной двумя широкими окнами. Мягкий отблеск огня играл на деревянной резьбе потолка; а когда я тихо затворил за собой дверь, выпавшее из очага полено, разбросав целый сноп искр, приятно нарушило царившую в комнате тишину. Тотчас же чей-то тихий, приятный голос спросил:

– Это ты, Альфонс?

Я обошел скамейку и очутился лицом в лицу с красивой женщиной, лежавшей на кушетке. При стуке открывшейся двери она приподнялась на локтях. Увидев перед собой незнакомого человека, она с легким криком вскочила на ноги и посмотрела на меня с удивлением и гневом. Она была среднего роста; в правильных чертах ее проглядывало что-то детское; цвет лица был поразительно хорош. Роскошные золотистые волосы в беспорядке были разбросаны по плечам, вполне соответствуя ее глубоким темно-синим глазам, в которых, как мне казалось, таилось больше огня, чем можно было ожидать от общего выражения ее лица. Я смотрел на нее с любопытством и удивлением. Смерив меня с головы до ног надменным взглядом, она после минутного молчания заговорила:

– Сударь! Чему я обязана этим... посещением?

Я был до того смущен ее видом и необыкновенной красотой, равно как и отсутствием тех, кого я искал, что не мог сразу собрать своих мыслей и продолжал глядеть на нее.

– Итак, сударь? – повторила она уже резко, топнув ногой.

– Моим посещением... сударыня? – пробормотал я.

– Или вторжением, сударь, если хотите! – повелительно крикнула она. – Но объясните мне, что это значит, или ступайте вон!

– Умоляю вас позволить мне сделать то и другое, мадам, – ответил я, с усилием овладевая собой. – Это просто ошибка; я надеялся найти здесь одного друга... Мне остается лишь удалиться и просить у вас извинения.

С этими словами я почтительно поклонился ей и хотел уже уйти.

– Одну минуту, сударь! – быстро сказала она совсем иным тоном. – Вы, может быть, друг де Брюля, моего мужа? В таком случае я буду рада...

Она была так очаровательна, что, несмотря на обуревавшие меня чувства, я не мог не восхищаться ею.

– Увы, я не могу воспользоваться этим извинением, сударыня! Очень жалею, что не имею чести быть с ним знакомым.

Она взглянула на меня с удивлением.

– Однако, сударь, – ответила она, слегка улыбаясь и играя золотой брошкой, пристегнутой к ее платью, – должна же быть какая-нибудь причина, в силу которой вы ожидали встретить здесь друга?

– Совершенно верно, сударыня, но я ошибся.

Я видел, как она вдруг покраснела. Улыбнувшись и слегка прищулив глаза, она сказала:

– Мне кажется невероятным, сударь, чтобы вы явились сюда по причине, имеющей какое-нибудь отношение к... к бархатному банту, например?

Я вздрогнул и невольно сделал шаг вперед.

– Бархатный бант! – в волнении воскликнул я. – Боже мой! Значит, я не ошибся. Я попал туда, куда следует, и вы, вы знаете об этом!.. Умоляю вас, скажите мне, что это значит?

Она, по-видимому, была встревожена моей страстностью, отступила шага на два назад и посмотрела на меня надменно, хотя в то же время с некоторой робостью.

– Верьте мне, это ничего не значит, – поспешно ответила она. – Прошу вас понять это, сударь. Это была глупая шутка.

– Шутка? Бант упал из этого окна.

– Это была шутка, сударь, – упрямо ответила она.

Я видел, однако, что, несмотря на всю свою гордость, она была встревожена, лицо ее было смущено; в глазах стояли слезы. Заметив это, я начал еще более настаивать.

– Я захватил бант с собой, сударыня. Вы должны сообщить мне некоторые подробности о нем.

Глаза ее сверкнули гневом.

– Не думаю, чтобы вы знали, с кем говорите, – сказала она, учащенно дыша. – Уходите, сударь, уходите немедленно! Я уже сказала вам, что это была шутка. Если вы дворянин, поверьте мне и уходите.

Она указала мне на дверь. Но я стоял на своем, твердо решившись проникнуть в тайну.

– Я дворянин, сударыня. Однако я должен узнать еще некоторые подробности. Я не могу уйти, прежде чем не узнаю всего.

– О, это невыносимо! – крикнула она, осматриваясь кругом, словно собираясь бежать, но я стоял между нею и единственной дверью. – Это невыносимо! Бант предназначался не для вас, сударь. Могу вам сказать еще, что если господин де Брюль придет и найдет вас здесь, вы в этом жестоко раскаетесь.

Я видел, что она столько же боялась за себя, как и за меня, и при данных обстоятельствах счел возможным воспользоваться ее страхом. Я спокойно положил свою шляпу на стоявший рядом стол.

– Сударыня! – сказал я, в упор глядя на нее. – Я не уйду отсюда, пока не узнаю всего, что известно вам об этом банте. Если вы не желаете сообщить мне это, то я подожду де Брюля и спрошу его.

Крикнув «нахал!», она взглянула на меня с яростью, словно собираясь убить меня; в ней проявлялась страстная женщина. Но я стоял на своем, и через минуту она заговорила:

– Что вы желаете узнать?

– Каким образом очутился этот бант на улице, под вашим окном?

– Я бросила его, – мрачно ответила она.

– Зачем?

– Зачем? – Она замолчала и взглянула на меня, затем вновь опустила глаза и покраснела.

– Потому что, если уж вы должны знать это, – продолжала она поспешно, чертя пальцами какой-то узор на столе, – я увидела на нем слова «ко мне». Я всего два месяца замужем: я думала, что муж мой найдет его и принесет мне. Это была глупая мысль.

– Но где вы достали его? – спросил, я, смотря на нее с возрастающим удивлением и смущением. Чем больше я ставил вопросов, тем дальше, казалось мне, удалялся от цели.

– Я нашла его на улице д'Арси, – ответила она, с досадой топнув ногой об пол. – С моей стороны, было глупо сделать то... то, что я сделала. Имеете вы еще какие-нибудь вопросы, сударь?

– Только один, – сказал я, начиная понимать в чем дело. – Не можете ли вы мне сказать точно, где вы нашли этот бант?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.